КОНСТИТУЦИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ И БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ:

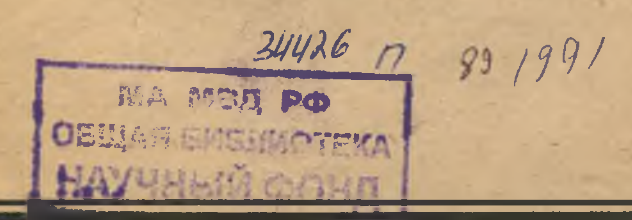
Г. С. ГУРВИЧ, Н. И. ЧЕЛЯПОВ,
В. И. ИГНАТЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“
МОСКВА 1928

КОНСТИТУЦИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ И БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Г. С. ГУРВИЧА, Н. И. ЧЕЛЯПОВА, В. И. ИГНАТЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ"
МОСКВА 1928

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
Тираж 5.000.
Мосгублит № 6426.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В области научного исследования советского государственного устройства до сих пор сделано немного. Но и это немногое заслуживает внимания не только учащейся молодежи, но и более широкой аудитории. Рабочую, как и служилую советскую публику нужно обучить, главнее всего, правильному распознаванию тех черт, которые типичны для буржуазного государства, типичны для пролетарского. Только уразумевши, как далеко мы зашли в создании действительно нового государства, органически — по существу своему — отличающегося от буржуазного, добросовестный наблюдатель не будет придавать значения печальным разглагольствованиям о «капиталистическом перерождении». Он поймет в то же время, что — как бы чувствительно ни опередила нас буржуазия в технике законодательства и управления и в деталях построения государственного аппарата — за нами преимущество более высокого типа развития перед степенью развития.

Предлагаемая брошюра имеет целью принести посильную помощь среднему читателю, который хотел бы самостоятельно разобраться в характеристике рабочего государства сравнительно с буржуазным. Политические права, государственная система и избирательное право — вот те три области, рассмотрение которых для этой цели необходимо и достаточно: политические права трудящихся ярко характеризуют высшую демократию, демократию для многих, учреждаемую диктатурой пролетариата, в противоположность демократии для немногих избранных, взысканных «богом злата», которую охраняет диктатура буржуазии; советская

система служит специфической формой пролетарской диктатуры и не даром своей свежестью и своеобразностью все более привлекает внимание не публицистов только, но и ученых буржуазных, которым лишь вполне извинительное классовое самообольщение мешает распознать в ней интернациональную форму власти, идущую на смену капиталистическому государству; наконец, избирательное право непосредственно связано с государственной системой и ею необходимо предопределяется. Конечно, авторы статей старались быть краткими и во многих случаях ограничивались лишь суммарным изложением, искупая это, где только можно, ссылками на сочинения Ленина. Но лишь при условии краткости и сжатости можно было сделать эту книжку доступной среднему читателю, стесненному и в средствах и во времени.

Г. Гурвич

20 марта 1928 г.

Г. С. Гурвич

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА

I. БУРЖУАЗНАЯ КОНСТИТУЦИЯ И БУРЖУАЗНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Экономический источник гражданских идеалов. Взорвавши феодальное общество, разрушив его экономическую основу и политическую оболочку, буржуазия еще в начале XIX столетия заложила фундамент нового хозяйственного строя. Этот новый хозяйственный строй с необходимостью нуждался и в новом государственном укладе и в свежей политической идеологии. И то и другое создавалось, конечно, людьми, но изобретая новые, более или менее «великие» идеи, основывая новые учреждения, эти люди действовали исключительно, как представители класса, и независимо от собственной воли осуществляли классовый интерес. А классовый интерес определяется жизненными, экономическими потребностями класса. Так и политические идеалы и политические учреждения нового общества, пришедшего на смену феодальному, послужили более или менее непосредственным и точным отражением хозяйственных нужд нового господствующего класса — молодой промышленной буржуазии. Этот новый класс оказался непримиримым противником тех стеснений хозяйственного оборота, которые были отличительной чертой европейского уклада в XVIII веке. Разве может развиваться промышленность там, где подавляющее большинство земледельческого населения не свободно, не может по собственному произволу переме-

нить место жительства, ликвидировать свое жалкое имущество, избрать новую профессию? Где крестьянская масса подавлена непосильными повинностями в пользу паразита-помещика? В такой стране буржуазный предприниматель видит связанными свои руки, ибо тяжкие оковы лежат, прежде всего, на потребительской массе: разоренный, нищий, забитый крестьянин — плохой покупатель капиталистической продукции; нет предпринимателю желанного доступа и к рынку сырья: здесь на дороге стоит алчный и никому уже не нужный землевладелец. Но в самое сердце поражен буржуазный эксплоататор тем, что рабочие руки не свободны, вовсе нет резервной армии труда или она слишком недостаточна.

Да не только деревенский, — и городской обыватель лишен свободы хозяйственного самоопределения: подмастерье в плену у своего мастера, мастер — у своего цеха, торговец, лавочник стеснен мелочной полицейской регламентацией, которая на каждом шагу ограничивает его торговый размах, промышленник страдает от того, что правительство стремится регулировать производство, предписывая выделывать одно и воспрещая выделывать другое, нормируя даже количество рабочих рук в производственных отраслях и предприятиях. Это разорительное вмешательство государства в область частной хозяйственной предприимчивости было в значительной степени следствием того, что самодержавные короли не склонны были считать неприкосновенной эту новую буржуазную собственность: они охотно шли на реквизицию и конфискацию орудий и продуктов производства, подвергали незаконным поборам купца, усердно грабили банкира. Неудивительно, что когда молодая промышленная буржуазия выбросила лозунг «свобода», около этого знамени об'единились самые различные слои общества. Тот же прием был оказан вслед за ним появившемуся требованию всеобщего равенства. И то и другое сопровождалось непременной оговоркой о святости и неприкосновенности собственности, под которой разумелась, конечно, собственность частная, собственность на орудия производства.

Кому служила политическая свобода. Отсюда пошел целый арсенал политических прав, пышных и широковещательных свобод, из которых каждая была так или иначе произведением хозяйственных особенностей буржуазных классов и этим особенностям служила, но которыми буржуазия завораживала широкие слои трудящихся, ибо им чудился в этих свободах далекий идеал действительно свободного существования, освобожденного от рабского труда, от эксплоатации капиталиста, от насилия собственнического государства. Свобода ассоциаций всех видов обслуживала, конечно, буржуазных предпринимателей прежде всего, так как они поняли, хотя, правда, далеко не сразу, что соединение индивидуальных усилий и капиталов необходимо для успешного ограбления неимущих масс, являются ли они потребителями или производителями, или и в том и другом качестве. Свободу передвижений буржуа, как, впрочем, и все другие свободы, великодушно провозглашал для всех, но наиболее полно использовал ее лишь тот, в чьих руках оказывались средства передвижения и кто получил возможность перебрасывать рабочие отряды с места на место, порождая в среде пролетариев жестокую конкуренцию, создавая то здесь, то там избыток рабочих рук и соответственное падение заработной платы. Свобода слова и в частности печати сыграла огромную роль в развитии прессы, которая через рекламу и все виды хозяйственной информации оказалась одним из самых важных нервов буржуазного рынка и двигателей частного собственнического хозяйства. Свобода совести послужила прекрасным оправданием для буржуа, когда он избавлялся от церковных повинностей и накладывал руку на богатства церквей и монастырей. Все эти и многие другие политические права являлись в значительной степени следствием верховного принципа неприкосновенности личности: буржуазия пришла к политической власти со шкурой, очень хорошо выдубленной чиновником, вельможей, полицейским старого режима, и на многовековом опыте этого режима она познала, что там, где хозяйствующий суб'ект может быть по произволу

властей обыскан, схвачен, заключен, выслан, изгнан, подвергнут лишению свободы и даже жизни без надлежащего судебного разбирательства, — там не пользуются никакой безопасностью ни кошелек, ни торговая книга предпринимателя, там труд целой стяжательской жизни идет прахом в один день. Надо же помнить, что капиталист, свергнувши старый строй, далеко не сразу посадил своих людей в канцелярию, в суд, в полицейский участок: на всех этих хороших местах ему долго приходилось терпеть открытых или тайных слуг старого режима. От них-то и нужно было защищаться баррикадами политических прав.

Значение лозунга всеобщего равенства. Но едва ли не самым великолепным и соблазнительным среди этих принципов являлось положение о всеобщем равенстве. Дело в том, что буржуазная революция с исключительной силой обрушилась на обособленные группировки, существовавшие в феодальном обществе. Семья, сословие, община, цех, корпорация складывались и замыкались, как особые общества в обществе, и налагали на своего члена такие обязательства и ограничения, которые делали его несвободным и мучительно связывали его хозяйственную инициативу. Потому-то буржуазная революция и состояла в значительной степени в уничтожении перегородок и подразделений внутри старого общества. Из недр этих косных и замкнутых ячеек надо было извлечь человеческую личность — индивидуума, дать ей все права самоопределения, уничтожить все средостения, создаваемые происхождением, религией, корпоративной принадлежностью, об'явить индивидов равноправными. Нетрудно догадаться, что этого властно требовали условия капиталистического рынка, где узы крови, дружбы, родства, соседства, симпатии подчиняются холодному расчету предпринимательской выгоды. В условиях анархического производства оборот признает лишь безличного товаровладельца, и закон свободной конкуренции всех уравнивает. Но это всеобщее равенство есть в то же самое время источник постоянно возобновляющегося горчайшего неравенства: собственнику

орудий производства противостоит неимущий продавец рабочей силы; принципы равенства перед законом позволяют первому продиктовать второму самый кабальный договор, а нужда заставляет пролетария принять любые условия. Так господство договорных отношений на почве закона, равного для всех, создает наивыгоднейшую обстановку для самой бесчеловечной эксплоатации наемного труда.

Изнанка политических свобод. Понадобились, однако, многие десятилетия зверской капиталистической школы, чтобы рабочий класс уразумел истинное существо так называемых политических прав. Маркс и Энгельс посвятили не мало труда на разоблачение буржуазных понятий «свободного государства», «чистой демократии» и т. п., открыв тем дорогу для Ленина, который с ему одному свойственной изобразительной силой показал тщету и призрачность мелкобуржуазных идеалов. Еще около четверти века назад он учил той истине, что «в обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горсти богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной» (Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 24. «Партийная организация и партийная литература», 1905). «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Поэтому-то писатель, например, и находится в рабстве у своего издателя, который требует от него порнографии, поэтому «свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» (там же).

Распродажа «свободного слова». На примере так называемой свободы печати Ленин разоблачил те отношения лакейства и рабства, в которых оказывается по отношению к капиталу «свободная» пресса. При этом заслуга его не столько в установлении самого факта, всем, пожалуй, известного, сколько в неотразимой логике доводов, приводимых им в доказательство *неизбежности* такого положения. Капиталистическое общество не было бы капиталистическим, если бы оно не превращало в товар не только продукты производства, но и произведения человеческого гения: важ-

ное техническое открытие, создание талантливого мастера, творение глубокомысленного ученого, искусство выдающегося врача и т. д. и т. п. — все это продается и покупается, все это, чтобы появиться на свет и найти приложение, требует соответственных условий, приспособлений, обстановки, которыми целиком распоряжается капитал. Романтики могут принимать за чистую монету ребяческие песни о «вольной мысли», которая, дескать, «рожденная свободно, в оковах не умрет», но пролетарий должен знать, что в век капиталистического развития «вольная мысль» находится в непосредственной и безусловной зависимости от типографского станка, от бумаги, от соответствующего помещения, освещения, отопления, одинаково необходимых и типографу, и оратору, и писателю. «Издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей» (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 111). В беспощадном состязании этих капиталистических предприятий побеждает, разумеется, не самое «благородное» и «симпатичное», а самое богатое, поэтому «свобода печати буржуазного общества состоит в свободе б о г а т ы х систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров обманывать, развращать, одурачивать эксплоатируемые и и угнетенные массы народа, бедноту» (там же). Зависимость буржуазной прессы от об'явлений, которыми ее снабжает капиталист и которые представляют один из видов подкупа, общеизвестна. Но нужно знать, кроме того, что такой порядок фатально н е и з б е ж е н. В современном строе газета, не желающая обречь себя на совершенно незаметное существование, д о л ж н а д а т ь с е б я п о д к у п и т ь. Вот почему в наши дни не только буржуазная пресса, но и социал-демократическая находится под тем или иным материальным влиянием капиталиста.

Свобода личности и ее классовый смысл. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обращениями разыскивать интересы тех

или иных классов» (Ленин. Собр. соч., т. II, стр. 58—59. «Три источника и три составных части марксизма», 1913 г.). Освобождение крестьян от крепостной зависимости подано было буржуазными мыслителями и политиками в сияющем ореоле «священных прав человека». Бессмертный идеал свободы и безнравственность рабства, веления гуманности и прогресса и бесчеловечное своекорыстие рабовладельца — подобного рода антитезы оказались совершенно несокрушимым оружием в руках буржуазии. Белые одежды ее невинности и пламенный меч ее правоты представлялись недосягаемыми для каких бы то ни было нечистых подозрений. Тем не менее за всем этим скрывался классовый интерес промышленника, разорявшего сотни тысяч землевладельцев и готовившего мучительную гибель миллионам трудовых крестьян. Отныне крестьянская масса обрекалась на бесчеловечную капиталистическую переделку, действовавшую с неумолимой точностью гигантской мясорубки: обезземеливание и обнищание основной крестьянской середки, «вымывание» ее с превращением на 9/10 в батраков и пролетариев. Но тот же результат мы встретим всюду, где бы ни стали прослеживать пути и способы практического осуществления буржуазных начал свободы и равенства. Свобода передвижения, укрупнение средневековой территориальной дробности, снос внутренних застав, рогаток, таможен и уничтожение паспортной системы, как одно из следствий такой революции, являлись прежде всего насущной потребностью буржуазного хозяйства. Но буржуазия изловчилась забрать себе целиком все выгоды свободы передвижения, перевалив на неимущие массы все ее отрицательные стороны. Так делает она, вводя в свои избирательные системы ценз оседлости, который отбрасывает рабочего от избирательной урны только за то, что он вздумал воспользоваться свободой передвижения. Так делает она и тогда, когда неимущим пассажирам предоставляет на своих железных дорогах лишь минимум удобств, окружая в то же время бешеной роскошью богатых путешественников, несущих по миру бремя своей скуки и праздности. Но кто же не знает, что в доходах железных

дорог львиная доля составляется из трудовых грошей бедняков и лишь незначительный процент дают богатые бездельники!

Все подчиняется принципу частной собственности. Но иначе и не может быть, ибо между трудящимися слоями и демократическими свободами вклинивается священное право собственности, которое невозможно вылущить из этих свобод, не разрушая их, не превращая их в прах: например, «свобода собраний является пустым звуком даже в самых демократических буржуазных республиках, так как в распоряжении богачей имеются лучшие общественные и частные здания, имеется и достаточное количество свободного времени, и они пользуются защитой буржуазного аппарата власти» (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 39. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», 1919). Почему бы этим богачам не относиться к свободе с полным дружелюбием? У них она всегда под рукою, а «рабочие ее не могут реализовать: фактическая монополия на бумагу, типографии, машины и т. д. со стороны класса капиталистов превращает почти в ничто печать рабочего класса. Это напоминает приемы американской цензуры: она часто не просто запрещает рабочие газеты, а всего-на-всего запрещает почте их распространять, и таким образом формальная свобода печати сводится к полному ее удушению» (Бухарин. «Атака», стр. 108). Все знают, что буржуазное государство охраняет частную собственность. Но надо убедиться в том, что охрана частной собственности есть в е р х о в н ы й принцип этого государства и что политические права и вольности ограждаются лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока они вытекают из начала частной собственности и этому началу служат.

Как финансовый капитал упразднил промышленную демократию. На наших глазах в этом отношении происходит процесс исключительной важности. Мелкобуржуазные демократы и разношерстные социалисты соглашательского толка доныне любят говорить о гражданских свободах, о народном правлении, о конституционных гарантиях, о защите прав меньшин-

ства, о всем том, чем пестрели буржуазные конституции XIX века и что конституции послевоенные повторяют совершенно механически, как условные и пустые, ни к чему не обязывающие формулы. К этой недобросовестной декламации присоединяет свой довольно фальшивый голос так называемая внутрипартийная оппозиция, которой XV с'езд ВКП(б) нанес, надо надеяться, смертельный удар. И эти бывшие революционеры более или менее открыто, с околичностями или без них, противопоставляют капиталистическую свободу режиму пролетарской диктатуры, который они вознамерились подорвать. Между тем, речи о буржуазных свободах запоздали чуть ли не на полстолетия. Современное капиталистическое государство уже сравнительно давно вступило на путь упразднения даже и той неполной, урезанной, однобокой демократии, которую Ленин с такой оригинальной яркостью мысли и резкостью выражения назвал «демократией для имущих». Политические права явились, как мы видим, выражением хозяйственных особенностей промышленной буржуазии. Анархия производства, свирепая конкуренция неорганизованных — «свободных» — предпринимателей, из которых каждый стремится выбить из седла и подмять под себя своего соседа и контрагента на рынке, — вот что рождало и питало воодушевление буржуазного демократа, когда он говорил о политических вольностях, о свободном государстве, и не только говорил, а подчас за эти лозунги и в драку вступал с абсолютистскими держимордами. Но этот экономический индивидуализм буржуазии встретил, наконец, кровного врага в лице финансового капитала. «Свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии» (Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 249. «Империализм, как новейший этап капитализма», 1913). Другими словами: «старый капитализм свободной конкуренции с безусловно необходимым для него регулятором — биржей отходит в прошлое» (там же, стр. 265). Финансовый капитал кладет жесткие границы беспутному соревнованию хозяйствующих индивидов. Отдельный купец, промышленник, ростов-

щик все тяжелее чувствует на себе далеко хватающую руку торгового концерна, треста, банковского консорциума. Куда девались его хозяйственная инициатива, его право и возможность экономического самоопределения, его свободная предприимчивость? Внезапно он видит, что уже давно стал безвольной пешкой в лапах чудовищных организаций, одного дыхания которых достаточно, чтобы смести его с лица земли. Его смирение, его безмолвие, его покорность — вот что может еще спасти его от бесповоротной гибели.

Крушение политической демократии: а) Англия. На политическом строе послевоенного буржуазного государства эта коренная перемена его экономической основы отразилась чрезвычайно существенным образом: демократических благ оказались лишенными не только рабочий, но и средний буржуа. Отчасти под механическим действием нового хозяйственного уклада, отчасти из страха перед растущей революционной активностью пролетарских масс господствующая верхушка свертывает демократические государственные учреждения, а с тем вместе и обветшалый хлам политических прав. Столь прославленная страна «народной свободы», как Англия, продемонстрировала всему миру ту легкость и четкость, с которой этот демократический рай превращается в пекло по одному мановению правящей клики: во время забастовки горняков исключительное положение, ранее совершенно неизвестное здесь, дало возможность администрации на законнейшем основании упразднить и неприкосновенность личности и право собраний, подчинивши английского обывателя самому откровенному произволу полиции. Тем же законным порядком, даже с участием парламента, столь же несвободного в своих решениях, как любой лавочник, английские диктаторы провели закон о профсоюзах, который, при надлежащем применении, позволяет решительно упразднить свободу стачек, т.-е. чисто экономической борьбы (пикетирование воспрещается, штрейкбрехер берется под усиленную охрану закона, наконец, всякая стачка может быть об'явлена незаконной). Тот же самый закон бьет «рабочую

партию» по самому чувствительному месту, по карману, возбраняя взимание с членов профсоюзов партийных взносов («сборов на политические цели») в том порядке, в каком они до сих пор взимались. Кто знает, как дорога в Англии избирательная кампания, тот поймет, какими потерями грозит «рабочей партии» это новое правило.

Крушение политической демократии: б) Америка. Разгул открытой диктатуры капитала, издевающегося над всякими конституционными гарантиями, свирепствует с еще большей силой в Соединенных Штатах. Многим ли известно, что здесь до сих пор томятся в тюрьмах люди, осужденные в 1917 году за словесный протест против войны? «Нет больше ничего в нашей конституции,—восклицает престарелый и заслуженный американский профессор права, — что удерживало бы правительство от применения чрезвычайной и исключительной, деспотической власти...»

Но это правительство — только верный исполнитель предначертаний, которые оно получает от денежных мешков. А им подвластно все: они купили парламент, — и он проводит угодные им законы; они купили суды, — и те инсценируют процессы не только над мнимыми преступниками, в роде Сакко и Ванцетти, но над самим Дарвином, осмелившимся некогда оспаривать библейские истины; они покупают вооруженных бомбами штрейкбрехеров, профсоюзных вождей, отряды сыщиков и частных полицейских, попов, палачей, изобретателей электрических стульев. Они так (в эту минуту!) сильны и бесстыдны, что иногда позволяют сказать им правду: «Потерявши привычку к свободе, мы, конечно, потеряли и уважение к свободе... Никогда еще свобода мысли не была так опасна, никогда еще свобода речи не была так трудна в Америке, как сейчас», — меланхолически подтверждал один нью-йоркский журнал весной прошлого года.

Крушение политической демократии: в) Германия. В современной Германии политическое ханжество буржуазии, пытающейся скрыть свое звериное лицо, доведено до высших степеней. В свою конституцию она занесла несколько десятков статей, где сусальным золотом расписала «основ-

ные права и обязанности немцев». Тут и защита брака, семьи и материнства, и охрана внебрачных детей, и право эмиграции, и гарантии пользования родным языком для национальных меньшинств, и прочие «социальные» лакомства, не говоря уже об обычной фанфаронаде личных политических прав. И что же? Ни для кого не тайна, что эти 50 с лишком статей остаются невинными пожеланиями, никого ни к чему не обязывающими. И виною здесь вовсе не международное положение побежденной и ослабленной Германии, мешающее ей, якобы, осуществить целую половину своей конституции, и притом как раз самую прекраснодушную. Дело в том, что германская буржуазия и под овечьей шкурой II Интернационала остается тем же алчным волком, кровожадным и жестоким зверем. Если германский капитализм достиг своей относительной стабилизации, если промышленники и банкиры временно откупились от ростовщичьего нажима победителей-кредиторов, то все это совершилось ценой исключительной по размерам безработицы, обнищания и вымирания рабочего класса, удлинения рабочего дня и сокращения заработной платы. А в то же самое время правительство выплачивает многочисленным бывшим германским монархам колоссальные денежные суммы, сохраняет за ними право собственности на земли и дворцы, содержит под тем или иным благовидным или неблаговидным предлогом праздные банды бывших офицеров и дворянчиков. В полном соответствии с этим мы видим жестокие репрессии, обрушиваемые на пролетариат за малейшую попытку практического протеста против такого положения вещей, видим тюрьмы, переполненные голодными рабочими, выброшенными из производства, в то время как титулованные убийцы, в роде графа Арко, гуляют на свободе. Окровавленные трупы Либкнехта, Люксембург и Эйснера, тень Макса Гельца за тюремной решеткой свидетельствуют, что есть какая-то зловещая гармония, своеобразная созвучность между благочестивой речью конституции — с ее заботой о подрастающем поколении, о матерях, о трудящемся классе всего, наконец, человечества (ст. 162) — и каннибальским языком действительности.

Фашизм. Наконец, этот всеобщий и полный упадок демократии находит свое завершение в режиме открытой единоличной диктатуры, устанавливаемой каким-нибудь итальянским, или польским, или испанским заплечных дел мастером. Кто имел время и возможность поразмыслить над порядками, водворившимися хотя бы в Англии и Америке, где диктатура премьер-министра или президента (буржуазный «цезаризм») давно упрочилась рядом с безвластными парламентами, тот не увидит ничего принципиально нового в повадках напыщенного выскочки-фашиста, как бы он ни назывался. Если уже пятнадцать лет тому назад буржуазному наблюдателю в Германии было ясно, что «даже самая широкая политическая свобода не может нас спасти от того, что мы превратимся в народ людей несвободных» (приведено у Ленина — «Империализм, как новейший этап капитализма». Собр. соч., т. XIII, стр. 281), если двадцать лет назад знаменитый ученый подтверждал, что «форма правления в Соединенных Штатах Америки есть абсолютный безответственный деспотизм, сосредоточенный в руках шести лиц», то есть ли существенная разница между Германией или Америкой наших дней, где политическая свобода прокламирована, но не существует, и фашистской Италией, где этой свободы нет уже и на бумаге?

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Советская демократия и единовластие рабочего класса. Когда мы обращаемся к советскому государству, то видим здесь, первым делом, принципиально иную, чем у буржуазии, постановку вопроса о политических правах. Либеральная буржуазия вооружилась этими правами, как гарантиями против произвола и деспотических поползновений того класса, наследницей и преемницей которого она явилась и значительное участие которого в государственном властвовании ей приходилось терпеть. Не только к нашему,

советскому, но и к буржуазному государству первой половины XIX века приложимы, с известными оговорками, слова Ленина о машине, которая «вырывается из рук», и о чиновниках, которые «очень часто работают против наших мероприятий». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 32. «Доклад о деятельности ЦК на XI с'езде РКП(б)» и стр. 90 «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». 1922 г.). От пристрастия судьи, от усмотрения администратора, даже от ошибок и увлечений законодателя нужны были гарантии, и содержание этих гарантий подсказано было промышленной буржуазии ее экономическими потребностями и устремлениями. А отсюда уж недалеко было до того, чтобы сообщить политическим идеалам либерализма самодовлеющий характер, что и выразилось в идее «правового государства» с верховным господством закона, которому подчинена сама государственная власть, допускающая только это, но весьма существенное ограничение своего суверенитета. Тем самым утверждался взгляд на государство, как на высшую форму человеческого общения, подлежащую такому усовершенствованию, чтобы в ее рамках и с ее помощью осуществить «царство свободы». Мы знаем, к чему привели эти мечтания. Промышленный капитал уступает место финансовому, который превращает государство в настоящую крепость с перманентным военным положением, крепость, в которой он рассчитывает отбиться от нарастающих атак пролетариата. Но ленинизм, как известно, давно об'явил смертельную войну и воздушным замкам либеральных доктринеров и государству-тюрьме фашистов. Пролетариат отказывается перенять для своих целей и то и другое изобретение. «Марксизм... признает необходимость государства для перехода к социализму, но... не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов» (Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 61. «Задачи пролетариата в нашей революции», 1917 г.). Какова отличительная черта этого государства? Да та, что оно «не есть уже государство в собственном смысле слова» (там же). Разрушение

буржуазной машины властвования и установление диктатуры пролетариата «означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую»... (Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 330. «Государство и революция»). Это писалось Лениным до Октябрьского переворота. Но уже несколько месяцев существования советского государства подтвердили в его глазах, что «пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплоатируемых и трудящихся» (Собр. соч., т. XV, стр. 428. «Пролетарская революция и ренегат Каутский»). В таком случае политические права трудящихся вовсе не служат неким противовесом государственной власти, вовсе не являются на свет вопреки ей и в борьбе с ней в виде священнейших «конституционных гарантий», а представляют собой необходимое содержание пролетарской демократии, которое, впрочем, политическими правами далеко не исчерпывается: здесь перед нами огромная и богатая область прав трудовых, земельных, социального обеспечения, тех прав, что обеспечиваются нашими кодексами гражданским и семейным, и многое другое. Будем в то же время помнить, что диктатура «тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть...». (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 160). Пролетариат ни с кем не делит власти, его диктатура есть его единовластие, не исключающее, конечно, необходимости и осуществимости его союза с трудящимися других классов. (Ср. Сталин, «Вопросы ленинизма», 1926 г., стр. 20). Но это обстоятельство опять-таки подтверждает совершенно особый характер политических прав пролетариата: они, прежде всего, принадлежат только ему и его союзникам.

А этим в первую очередь предопределяется отношение советской конституции к началу всеобщего равенства.

Возможно ли равенство между эксплоататорами и эксплоатируемыми. Понятие всеобщего равенства, явившееся, как мы видели, извращенным отражением анархии производства и рыночной борьбы буржуазных предпринимателей, исчезает из пролетарской конституции. В классовом обществе люди, в действительности, не равны и не могут быть равны. Задача социалистического пролетариата — уничтожить частную собственность на орудия производства, организовать социалистическое хозяйство и таким путем притти к бесклассовому обществу, где не только о политическом и экономическом неравенстве не может быть и речи, но где индивидуальные особенности и дарования обретут гармоническое и всестороннее развитие, исключающее возможность обидного неравенства, выделения одних, прозябания в незаметности других. Но эта цель может быть куплена только ценой нарушения принципа всеобщего равенства. Поэтому «наша пролетарская и крестьянская советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь... Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии» (Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 383. «Письмо к американским рабочим», 1918 г.), и это сохраняет силу не только в области политических отношений: наш уголовный закон, наша судебная политика, наше гражданское право отказываются признать и применить абстрактное бездушное начало равенства индивидов перед законом, помня, что применение равного права к неравным, по сути дела, членам классового общества есть корень величайших жестокостей. Наш закон так устроен, чтобы именно «смотреть на лица» и внимательно различать, кто стоит перед ним: темный крестьянин, веками прозябавший в невежестве и предрассудках, или шустрый горожанин, отдающий себе отчет в значении и последствиях своих поступков; пролетарий, или предприниматель.

Отношения рабочих и крестьян. С неменьшим основанием утверждаем мы о неравенстве пролетариата и крестьянства.

Это неравенство действительно существует, скрывать его было бы преступлением пред трудовым крестьянством. «Крестьяне — это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями в рабстве, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал как мелкий хозяин, сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но собственник и владелец предметов питания» (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 210. «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», 1919 г.). Буржуазии необходимо было провозгласить свободными и равными эти миллионы мелких собственников. Под покровом формального равенства она организовала систематическое разорение средних крестьянских слоев, получая отсюда батраков для своего крупного сельского хозяйства и пролетариев для фабрично-заводского. В советском государстве аграрная революция не для того осереднячила деревню, чтобы отдать ее в жертву жадной буржуазной эксплоатации. Поддержка бедняку, защита середняку, решительная борьба с кулачеством — вот дело пролетарской власти в деревне. Помощь, которую рабочий класс оказывает трудовому крестьянству, огромна и очевидна: дешевый кредит, снабжение сельскохозяйственными орудиями, поддержка при переходе к коллективной обработке земли, кооперирование, постановка общего и сельскохозяйственного просвещения,—неисчислимы моменты, когда сплошная многомиллионная масса трудовых земледельцев чувствует братскую руку класса, взявшего власть не для наживы, не для расхищения народных богатств, а во имя плановой организации хозяйства. Но ведь эту помощь пролетариат в состоянии нести крестьянству именно потому, что он отказался от лицемерного провозглашения всеобщего равенства и открыто сказал то, что есть: распыленные мелкие производители, полу-труженики, полу-собственники, вы неравны рабочим. Они выше вас своей организованностью, классовым самосознанием, осмысленной ненавистью к буржуазии, великой ролью в производстве. — Политические выводы из этого столь не важны, что о них не стоило бы и говорить, если бы они не

раздувались так усердно врагами крестьянства, жаждущими взять его за горло. «Голос нескольких крестьян значит столько же, сколько голос одного рабочего. Это несправедливо? Нет, это справедливо для той эпохи, когда надо ниспровергнуть капитал. Я не знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они — из вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода — вот ваши понятия о справедливости. Это мелкобуржуазные остатки мелкобуржуазных предрассудков — вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия» (Ленин, там же, стр. 219).

Право государственного строительства, как основное политическое право пролетариата и крестьянства. Но особый характер советских политических прав явствует еще из того, что в них пролетариат видит не какие-либо гарантии против злоупотреблений власти или покушений класса, с которым приходится делить власть, как вынуждена была делать буржуазия, — эти политические права суть один из способов реального осуществления господства трудящихся, и только. При таком понимании вопроса, свобода выражения мнений, свобода союзов, собраний, совести — все то, о чем говорят «Общие Положения» Конституции РСФСР, совершенно неотделимы от того основного факта, который те же «Общие Положения» устанавливают предварительно: «Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян... Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит Советам Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов» (ст. 2). Осуществление власти, непосредственное государственное строительство превращается в условиях диктатуры пролетариата в основное политическое право трудящихся. И все преимущество советской демократии Ленин видел в том, что она «выдвигает в авангард трудящиеся массы, делая из них и законодателей, и исполнителей, и военную охрану, создавая аппарат, который может перевоспитать самые массы» (Собр. соч., т. XV, стр. 142, «Доклад об изменении партийной программы

и названия партии на VII с'езде, 1918 г.). В приближении власти к массам, в привлечении всех трудящихся к управлению, что возможно, конечно, лишь в результате чрезвычайного и постепенного упрощения и рационализации государственного аппарата, Ленин видел непременное условие построения социализма. И это условие обеспечивается советской системой, способной будить максимум политической энергии масс: «Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это гигантски трудная задача. Социализма не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами». (Там же, стр. 144, ср. в особенности т. XIV, ч. 2 — «Удержат ли большевики государственную власть»). И те данные об участии населения в выборах советов и в работе советов, которые мы имеем к десятилетию Октябрьской революции, приобретают особенную важность и поучительность. Не случайно, что, несмотря на весьма значительный рост процента так называемых «лишенцев», число участников выборов по РСФСР в 1927 году оказалось вдвое больше, чем в 1922 году. При этом к сведению оппозиции нужно заметить, что в сельсоветах группа освобожденных от уплаты сельхозналога и уплачивающих до 1 рубля на едока в хозяйстве составляет 30%, уплачивающих от 1 до 10 рублей достигает 60%, группа же зажиточных составляет здесь всего 7,2% («Правда», 2 дек. 1927 г. «Предложения оппозиции по советскому строительству»). С этими данными вполне согласуются те сведения, кторые поступают из различных мест и относятся к характеристике фактического участия рабоче-крестьянского актива в деятельности советов. Московский Совет (вместе с районными) показал за 1925/26 год 12.295 членов секций против 6.345 в 1924/25 году. Но надо еще учесть, что эти основные секции сумели втянуть в работы своих комиссий и ячеек еще 27.500 человек. Приблизительно такие же итоги дает Ленинград. Провинция не может не отставать от столицы, но и там мы видим не-

сомненное и очень утешительное оживление: Перми удалось довести посещаемость секций горсовета до 57%, в одном из уездов Вятской губернии при 105 сельсоветах организовались 263 секции, об'единившие 1.566 чел. Эти секции провели за полгода 349 заседаний, где перебрали больше 600 вопросов. (Там же).

Уничтожение частной собственности в качестве предпосылки действительной свободы. Именно это фундаментальное политическое право рабоче-крестьянских масс, право центрального и местного самоуправления, право государственного строительства сообщает реальность и значимость ряду политических прав, провозглашенных конституцией. Последняя с полным основанием делает ударение на словах «действительная свобода собраний», «действительная свобода союзов», «действительный доступ к знанию» и т. д. Но в слове «действительный» заключается программа целой революции. Это слово само по себе предполагает не более и не менее как уничтожение буржуазной частной собственности. «Ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Вы мелочь забыли, господа цивилизованные. Забыли, что ваша свобода написана в конституции, которая узаконяет частную собственность. Вот в чем суть дела. Рядом со свободой — собственность, так и написано в вашей конституции». (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 205. «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», 1919 г.).

Свобода слова. Лишь передача в собственность пролетарского государства типографий с их оборудованием и бумажным запасом обеспечивает такое положение вещей, когда могущественные силы печатного слова приводятся на службу народу, когда пресса перестает быть игрушкой богачей или проводником их интересов, а способствует делу социалистического строительства. Речь идет вовсе не о «независимой прессе», потому что это — глупость и к тому же неосуществимая. Вопрос заключается в том, от кого зависит пресса: ее зависимость от денежного мешка и бронированного кулака есть рабство, ее зависимость от пролетариата, организован-

ного в господствующий класс, есть действительная свобода. Капитализм создал, вызвал к жизни и воспитал эту великую силу — печать; социалистический пролетариат в советском государстве дает ей надлежащее назначение.

Свобода собраний. Не то же ли самое делает он и со всеми теми техническими средствами, которые необходимы для осуществления свободы собраний? Когда наша Конституция особой статьей говорит о свободе собраний, о митингах, шествиях и т. п., она делает это вовсе не из подражания буржуазным демократиям, считавшим долгом провозгласить эти права. Она исходит из действительных потребностей пролетариата, как класса, который самым характером производства обучен мыслить и действовать коллективно и, отвергая буржуазный индивидуализм, силен своей массовой сплоченностью, своей организованностью, своим единством во множестве. С затаенным ужасом взирая на рабочие скопища в стенах фабрик и заводов, буржуазия бессильна противодействовать такому об'единению масс; с тем большей яростью отыгрывается она на том, что выгоняет их из общественных помещений, которые им нужнее, чем кому бы то ни было, для обмена опытом, для создания общего мировоззрения, для обсуждения своих повседневных нужд, для развлечений, наконец, после отупляющего и непрерывного труда. Кто видел наши массовые партийные и беспартийные собрания, кто наблюдал в Москве празднование 1 мая или 7 ноября, тот не может не почувствовать, что только в советском государстве получили действительную свободу собраний эти массы, для которых такая свобода — насущная потребность и которые сумели сделать из нее прекрасное употребление.

Свобода союзов. Но то же самое относится и к свободе об'единений. Замечательнейшая черта наших профессиональных союзов заключается в том, что обычные боевые задачи — организация стачек, создание стачечных фондов, сношения с предпринимателями — отступают в условиях диктатуры пролетариата на второй план: законодательство и суд, находящиеся в руках рабочего класса, являют достаточные

гарантии того, что будут защищены его основные интересы и перед капиталистическим предпринимателем, и перед зарвавшимся хозяйственником, и перед советским чиновником, пришедшим невзначай в административный восторг. Здесь профсоюзу, по общему правилу, остаются повседневные детали и частные случаи. Но вот в какой новой области выступает исключительная роль наших профсоюзов, роль, переоценить которую совершенно невозможно, — создание школы коммунизма для широких масс. «Если мы не превратим профессиональные союзы в органы воспитания вдесятеро более широких масс, чем теперь, для непосредственного участия в управлении государством, тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца» (Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 23. «О профессиональных союзах», речь на II всероссийском с'езде профсоюзов, 1919 г.). Именно при диктатуре пролетариата пролетарским классовым об'единениям отводится совершенно новое место и новое, непомерной важности, значение: они «стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью» (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 8. «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке т. Троцкого», 1920 г.), как «резервуар государственной власти», «школа хозяйничания, школа коммунизма» (там же, стр. 8, ср. стр. 59). Достаточно полно и вместе с тем кратко характеризованы они в следующих словах: «Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе рабочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса» (Сталин. «Вопросы ленинизма», 1926 г., стр. 21).

Свобода школы и науки. Вполне понятно, что правильное использование тех возможностей, которые предоставляются пролетариату свободой печати, собраний, союзов, в значительной степени зависит от уровня его культуры. И в этом отношении Конституция РСФСР, в полном соответствии с на-

шей политической действительностью, отмечает великое завоевание трудящихся масс — открывшийся перед ними действительный доступ к знанию (ст. 8). Маркс в своем анализе Парижской Коммуны ставил ей в немалую заслугу, что она сняла с науки «оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственною властью», а еще раньше — в первом томе «Капитала» — он отмечает то неизбежное в собственническом обществе положение, когда наука и рабочие разлучаются и наука оказывается в рабстве у капиталиста. Действительно, как бы решительно ни провозглашали буржуазные конституции, в роде германской, свободу наук и преподавания, обещания эти неисполнимы, пока частная собственность накладывает свои цепи «на людей, на книги и на вещи», безраздельно распоряжаясь, сама или в лице государства, учебными пособиями всех родов, школьными помещениями и специалистами преподавания, начиная с народного учителя и кончая университетскими профессорами. В результате получается, что, когда передовая буржуазная демократия вводит всеобщее обязательное обучение, низшая школа превращается в основное орудие умственного и нравственного порабощения масс. Известное в свое время изречение немецкого канцлера Бисмарка о том, что во франко-прусскую войну 1871 года Францию победил немецкий школьный учитель, может служить прекрасной иллюстрацией этого положения: именно народная школа призвана заложить несокрушимые основы воспитания гражданина в духе шовинизма, национальной исключительности, расовой и религиозной нетерпимости. С одной стороны — всеобщая воинская повинность, с другой — современное крупное производство заставляют буржуазию распространять грамотность среди крестьян и детей пролетариев: и там и тут приходится иметь дело со сложными и тонкими машинами, доступными лишь хорошо грамотному человеку. Но ничто еще не принуждает буржуазию допустить «простолюдина» в среднюю и высшую школу.

Излишне говорить, какое значение придавал Ленин культурному фронту. Достижение социализма он ставил

в непосредственную связь с успехами культурной революции. И он не скрывал величайших трудностей, стоящих на этом пути. «Для нас достаточно теперь культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база»). (Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 135. «О кооперации», 1923 г.).

Но между трудностями культурной революции в советском государстве и невозможностью такой революции в условиях буржуазной демократии дистанция, как легко догадаться, огромного размера. Наша сила, — учил нас Ленин, — в том, что мы открыто провозгласили господство трудящихся и эсплоатируемых. Но «наше дело в области школьной сети есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие». (Ленин. Собр. соч., т. XX, ч. II, стр. 266. «Речь на I всероссийском с'езде по просвещению», 1918 г.). Раскрыть перед рабоче-крестьянскими массами все источники и способы знания, поставить «кухаркиных детей», веками оттираемых от школы, в открыто привилегированное положение и в столь же привилегированное положение поставить в этой школе научные интересы пролетариата — вот задача, поставленная советской Конституцией и частично уже осуществленная. Если школа всех ступеней открыта народным низам — такая школа действительно свободна; если наука служит делу раскрепощения масс от ига капитализма и выработке социалистического миросозерцания — такая наука действительно свободна.

Свобода совести. Эта действительная свобода науки и школы непременно предполагает действительную свободу совести. Буржуазные декларации и конституции понимали под свободой совести свободу вероисповедания: если они отказывались связывать полноту гражданских и политических прав

с принадлежностью к определенной господствующей церкви, с исповеданием государственной религии, это считалось весьма либеральным достижением. В действительности же буржуазия, об'являя веротерпимость, т.-е. равноправие приверженцев каких бы то ни было религий, развязывала многоразличные религиозные секты, толки и течения, давая тем самым безобидный выход мелкобуржуазному протесту против засилия крупного капитала и укрепляя в конце-концов религиозность вообще. А ведь это только и нужно ей, ибо религия во все времена санкционировала высшей санкцией существующий порядок, питала фанатизм народных масс, отвлекала неимущих от борьбы за земное и насущное размышлениями о вечности и упованиями на небесную компенсацию. В соответствии с этим церковь, как только перестает быть гонимой, делается сама усердной служанкой гонителей: в рабовладельческом государстве она — рабовладелец, в крепостном — крепостник и в капиталистическом — крупный землевладелец и капиталист.

Но социалистическая революция есть массовая и научная революция. Она, по слову Энгельса, ставит себе одной из целей «убрать с дороги все, что провозглашается сверх'естественным, сверхчеловеческим, ибо претензия возвести естественное и человеческое в сверх'естественное и сверхчеловеческое есть источник вечной лжи и неправды». Пролетариат проводит не свободу религии, а свободу от религии, осуществляя тем истинную свободу совести. Наиболее передовая, «почти социалистическая» конституция Германии, упраздняя государственную церковь и не связывая с вероисповеданием гражданского полноправия (ст. 136), впускает попа в армию, в тюрьму и вообще в публичные учреждения, где есть спрос на этот товар (ст. 141), учреждает в университетах богословские факультеты, допускает в школах преподавание религии и отправление церковных обрядов, создает для закона полную возможность покровительствовать религиозным обществам и ставить в фактически трудное положение человека, об'являющего себя вне религии. В это время советские законы воспрещают обозначать в докумен-

тах религиозную принадлежность их владельцев, изгоняют всякие религиозные обряды из государственных и общественных публично-правовых учреждений, поручают исключительно светской власти ведение актов гражданского состояния, освобождают от религиозного дурмана учебные заведения, воспрещая здесь преподавание вероучений, наконец, лишают церковь прав юридического лица и воспрещают религиозным обществам иметь собственность, чем способствуют их евангельской чистоте, нисколько о том, впрочем, не заботясь. Действительная свобода совести предполагает, конечно, свободу антирелигиозной пропаганды. И эту пропаганду советская общественность ведет различными способами, среди них основной — свободная единая трудовая школа. Наука, когда она освобождена от служения частной собственности, несет в себе самую непобедимую антирелигиозную пропаганду.

Мы видим, что политические права, провозглашаемые советской Конституцией и осуществляемые в действительности, не носят характера неуловимых и туманных идеалов. Это не конструкции, надуманные «спасителем человечества», и не побрякушки, изобретенные политическими шарлатанами, чтобы льстить тщеславию мелкого буржуа. Все они, вместе взятые, являют собой неотделимую часть общего целого — диктатуры пролетариата. Они ею обусловлены, из нее необходимо следуют и служат, в свою очередь, одним из орудий ее осуществления.

Н. И. Челяпов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА

Всякое государство есть политическая организация господствующего класса, т.-е. такая организация, которая имеет своею целью поддерживать при помощи принудительных мер (армии, полиции, судов, тюрем) власть господствующего класса.

Советское государство также есть политическая организация господствующего класса. Классом, которому принадлежит власть в советском государстве, является пролетариат, который вместе с деревенской беднотой и батраками осуществляет свою власть в союзе с середняком.

В то время как в буржуазных государствах мы видим диктатуру буржуазии, т.-е. господство меньшинства эксплоататоров над громадным большинством трудящихся, — в советском государстве осуществляется диктатура пролетариата, идущего в союзе с середняцким крестьянством, т.-е. власть огромнейшего большинства трудящихся в целях уничтожения всякой эксплоатации человека человеком. Эксплоататорским классам — капиталистам и помещикам — власть нужна для того, чтобы при посредстве вооруженных армий и чиновничества закрепить свое господство над эксплоатируемыми массами, чтобы расширять это господство, подчиняя ему все новые и новые массы. Это — власть меньшинства над большинством.

Пролетариату же, победившему во время своей революции, эта власть нужна для того, чтобы окончательно уничто-

жить всякую эксплоатацию; подавить сопротивление тех классов, которые прежде господствовали; об'единить вокруг себя все трудящиеся слои населения — середняцкое крестьянство, служащих и интеллигенцию; освободить те национальности, которые прежде зверски угнетались царским правительством и которые живут в огромном количестве в пределах СССР. Все эти цели подчинены основной задаче диктатуры пролетариата: построить народное хозяйство на основах строго выработанного плана и создать коммунистическое общество, в котором уже не будет никакой эксплоатации и никаких классов.

Таким образом, диктатура пролетариата, как особая форма классового союза между пролетариатом и трудящимися слоями (Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241), представляет особую власть огромнейшего большинства трудящихся, а советское государство является государством переходного периода, того периода, отделяющего капитализм от коммунистического общества, в котором не будет классов, а значит не нужна будет никакая организация классового господства. Коммунистическое общество не будет организовано в виде государства, — государство к тому времени отомрет. Переходный же политический строй — советский — представляет собою такую организацию государства, когда оно уже начинает отмирать и превращаться в иные формы связей между людьми, основанные на разделении труда, тесном сотрудничестве и отсутствии какого-бы то ни было принуждения. Поэтому Ленин и называл государство пролетариата полу-государством. Отсюда следует, что система власти в советском государстве, взаимоотношения его органов, формы участия трудящихся масс в управлении им и пр. и пр. будут иными, чем в государствах буржуазии, имеющих целью поддержать экономическое и политическое господство имущих классов.

Советская система создана рабочим классом, творчеством пролетарских масс в их борьбе с самодержавной царской властью, с помещиками и капиталистами. Советы, как боевые органы рабочего класса, начали создаваться в 1905 г., в пер-

вую русскую революцию и вновь возникли в марте 1917 г., когда было низвергнуто самодержавие, с тем, чтобы после революции Октября 1917 г. превратиться в органы государственной власти. Самой передовой формой капиталистического господства служит буржуазно-демократическая республика, где законодательная власть — парламент — избирается народом, голосующим по указке продажных политических партий, исполнительная власть — кабинет министров — составляется из депутатов того же парламента, и сам президент избирается парламентом (или народом). А на деле этот всемогущий парламент—демократическое народное представительство—есть ширма, за которой скрывается власть банкиров и биржи. Поэтому учреждения буржуазно-демократического строя и не могут быть похожими на те формы государственной власти, которые созданы трудящимися в Советском Союзе, так как в этих именно формах происходит массовое привлечение трудящихся к строительству нового общества. В этих формах осуществляется широчайшая самодеятельность масс, и государственный аппарат используется исключительно для удовлетворения нужд рабочего класса и трудового крестьянства.

В основе построения центральных и местных органов советского государства лежит принцип политической самодеятельности масс. Сущность этого принципа в том, что весь государственный аппарат строится не сверху, из центра, а снизу, с мест. Основными и первичными ячейками власти являются советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, организуемые в городах и поселениях городского типа, фабрично-заводских поселках и селениях с количеством жителей не менее 300.

Эти органы создаются путем непосредственных выборов самими трудящимися, и именно они-то и являются носителями власти. Ст. 2-я Конституции РСФСР гласит: «Вся власть в пределах РСФСР принадлежит советам рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов».

Высшие учреждения (с'езды), вплоть до верховного органа власти для всего Союза ССР — Всесоюзного с'езда со-

ветов, создаются путем выборов их низшими органами. Но создавая, таким образом, высшие органы, низшие обязаны проводить в жизнь их постановления. Эти постановления и решения высших органов обязательны для низших. В то же время не только низшие органы обязаны представлять высшим отчеты о своей деятельности и, следовательно, подконтрольны им, но и представители высших обязаны отчитываться перед низшими органами, которые могут обсуждать их работу.

Таким образом создается полное единство частей государственного аппарата во всех его звеньях, устраняется возможность какого бы то ни было отрыва местной власти от власти центральной и устанавливается действительный взаимоконтроль и проверка. Все это не дает возможности центральным учреждениям отрываться от реальных нужд и требований трудящихся масс, а, напротив, создает условия, при которых центральный аппарат может очень быстро и чутко отзываться на требования и нужды мест.

Совсем не то мы видим в буржуазных государствах.

Здесь все местные власти черпают свои полномочия от власти центральной. Эта последняя, в лице, например, парламентов и кабинетов министров, и представляет собою государственную власть в точном смысле этого слова. Местные власти — не более как органы местного самоуправления, заведующие местными же хозяйственными и культурными делами. Кроме того, почти во всех государствах существуют на местах и представители центральной власти, назначаемые и увольняемые ею и являющиеся ее агентами и проводниками ее предписаний. И органы местного самоуправления и правительственные чиновники на местах действуют на основании законов, издаваемых центральной властью, которая определяет пределы полномочий этих органов, контролирует их и может сводить эти полномочия к очень узким границам, используя финансовую и, вообще, деловую зависимость мест от центра. Таким образом, в буржуазных государствах строительство государственного аппарата происходит из центра, сверху, в то время, как советская

система органов власти построена снизу, с мест, при определенном взаимодействии центра и местных органов.

При такой системе построения государственного аппарата в советском государстве мы не видим того противопоставления властей местной и центральной, как это свойственно буржуазному строю. У нас местные советы и с'езды являются одновременно органами государственной власти, действующей на месте, и органами местного самоуправления и самодеятельности в деле устроения местной хозяйственной и культурной жизни. Советы на местах могут обсуждать вопросы и законы общегосударственного характера. Одним из важнейших принципиальных отличий советской государственной системы от бужуазного конституционализма является решительное упразднение так называемого начала «разделения властей». Согласно буржуазному учению об этом последнем, начавшему складываться во второй половине XVII века и окончательно установившемуся к средине XVIII века, власть государства представляет собою сумму трех самостоятельных властей: законодательной, исполнительной или правительственной и судебной.

По учению Монтескье, автора самого значительного сочинения по этому вопросу (жил в первой половине XVIII в.), называющегося «О духе законов», — эти три власти должны быть самостоятельны и совершенно независимы друг от друга. Существуя и действуя самостоятельно, каждая из них уравновешивает или «умеряет» другие власти. Монтескье утверждает, что если бы все эти власти были соединены в одних руках, то свобода граждан погибла бы. Мысли Монтескье и некоторых других буржуазных теоретиков этого вопроса были восприняты буржуазными революционерами и проводились в жизнь в период Великой Французской и других буржуазных революций: «Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная Французским революционным Национальным Собранием в августе 1789 г., в ст. 16 прямо заявляет: «Всякое общество, в котором... не проведено разделение властей, лишено конституции».

Из этого уже достаточно ясно, какое значение придавалось буржуазными теоретиками принципу разделения властей, как одному из необходимейших элементов такого политического строя, который обеспечивал бы свободу и политические права граждан. При чем особенное значение буржуазными теоретиками придается отделению судебной власти от всех остальных. «Независимость» и «несменяемость» судей считается главным условием обеспечения беспристрастного и справедливого отправления судьей своих функций. И конституции, устанавливаемые буржуазией после ее победы над помещиками, вводили это разделение властей, зашедшее особенно далеко в конституции Северо-Американских Соединенных Штатов. Это учение о разделении властей возникло тогда, когда буржуазия еще боролась за власть с классом помещиков. Не будучи в силах одержать сразу безусловную победу, буржуазия в лице своих представителей и выдвигала в известный период этой борьбы идею такого размежевания властей, которое дало бы возможность обоим борющимся классам определенным образом договориться о совместном властвовании, о совместном господстве. Но с тех пор, как буржуазия окончательно утвердила свое господство, ни с кем уже не разделяемое, она — сначала в своей государственной практике, а затем и в теории — начинает отказываться от учения о разделении властей; теперь буржуазия уже не хочет ни с кем свою власть «делить». И в настоящее время мы видим, что все передовые буржуазные конституции вводят политическую ответственность кабинета министров перед законодательным органом — парламентом. Эта ответственность заключается в том, что за свою политику кабинет целиком отвечает перед парламентом. Провозглашается принцип, что кабинет остается у власти лишь до тех пор, пока он пользуется доверием парламента; в случае, если парламент выражает недоверие кабинету, последний выходит в отставку. Но надо сказать, что, например, в Англии, которая первая ввела у себя ответственность кабинета перед парламентом, установилась за последние несколько десятков лет обратная практика, именно — если

парламент выражает недоверие кабинету, то не кабинет выходит в отставку, а распускается парламент.

Вторым нововведением, уничтожающим всякое значение теории разделения властей, является то, что самый состав кабинета министров набирается из числа членов парламентского большинства. Таким образом, кабинет состоит в подавляющем большинстве из депутатов нижней и верхней палат парламента. Оба эти положения, т.-е. комплектование кабинета из партии парламентского большинства и политическая ответственность министерства, которые и составляют суть так называемого парламентаризма, в корне меняют отношения между исполнительной и законодательной властями, не разделяя их, а — наоборот — спаивая самым тесным образом.

В то же самое время руководящая роль в государственном управлении и законодательстве переходит от законодательной власти — парламентов к власти правительственной или исполнительной — кабинетам министров. Именно им принадлежит на деле инициатива и в издании законов и в проведении других государственных мероприятий. Кабинет министров, например, в Англии, пользуется почти неограниченной властью, проводящей через парламент все угодные ему начинания (вспомним хотя бы разрыв с СССР, проведенный английским консервативным кабинетом, закон против профсоюзов, проведенный им же, и др.).

Точно так же не приходится говорить и о независимости судебной власти от правительства. Во-первых, даже теоретически начинает признаваться необходимость для судьи не только точно и слепо применять законы, изданные законодательной властью, но в случае неполноты, неясности или отсутствия закона проявлять и собственное творчество, т.-е. осуществлять на деле функцию законодателя. И, например, швейцарское гражданское уложение прямо говорит, что в тех случаях, когда судья не имеет подходящего закона для решения разбираемого дела, он должен поступить так, как если бы он сам был законодателем. Следовательно, и в теории и в законе судебная власть начинает наделяться возмож-

ностями законодательного творчества, а это, конечно, очень далеко от тех мыслей, которые развивал Монтескье и другие теоретики буржуазии, писавшие по вопросу разделения властей.

Тем более практика судов в буржуазных государствах доказывает, что ни о какой самостоятельности их по отношению к правительству, ни о каком «отделении» их от этого последнего не может быть и речи. Буржуазные суды от низших до высших выносят именно такие приговоры и решения, которые нужны правительству. Достаточно вспомнить обвинительный приговор по делу Сакко и Ванцетти, те приговоры, которые сыплются на головы рабочих за забастовки и революционные выступления, судебные преследования членов коммунистических партий—часто без всякого серьезного обоснования, чтобы сказать, что суды в буржуазных государствах представляют собою часть единой государственной политики господствующей буржуазии и находятся в полном подчинении у правительства. Мы имеем там не разделение, а об'единение властей, защищающих и охраняющих экономическую и политическую диктатуру буржуазии.

Рабочий класс Советского Союза, победивший в феврале 1917 г. царское самодержавие, а в октябре — свергнувший господство буржуазии, тем самым устанавливает свою диктатуру, а диктатура пролетариата означает его единовластие. (Ср. И. Сталин. Вопросы ленинизма. 1926 г., стр. 19—20). Уже по этому одному не может быть и речи о совмещении диктатуры с разделением власти. Но из этой основной причины вытекают и другие, в результате которых отделение власти законодательной от исполнительной неприемлемо для пролетарского государства. В этом вопросе проявляется то различие точек зрения на закон и на акт государственного управления, которое характерно для отношений буржуазных теорий к этому вопросу, с одной стороны, и для позиции пролетариата и его теоретиков — с другой. С точки зрения буржуазных учений закон есть высшая норма, которая должна господствовать в государстве и обществе; по определению представителей революционной буржуазии в период

Великой французской революции — закон есть «выражение общей воли». В качестве такового, закон и стоит над всеми другими актами государства, царствует над всей государственной деятельностью, и все остальные распоряжения и действия государства должны основываться на твердом фундаменте закона. Эта точка зрения проводится особенно отчетливо в тех сочинениях буржуазных теоретиков, которые пытаются создать идею «правового государства», государства, где верховенство права имеет абсолютный характер и где, якобы, вся государственная деятельность и все государственные цели подчинены праву и им обусловлены. В силу этого та власть, которая творит законы, т.-е. власть законодательная и облекается ореолом власти, высшей в государстве. Парламент, таким образом, рисуется как орган отыскания, выражения и формулировки «общей воли», воли народа и пр. и пр.

Здесь можно не останавливаться подробно на опровержении учения об общей воле народа, которая, якобы, может существовать в государстве и получать свое воплощение в издаваемых парламентами законах. Пролетариату и трудовому крестьянству вполне ясно, что не может быть никакой «общей воли», напр., у рабочего и владельца завода, у крестьянина и эксплоатирующего его помещика. Мы знаем в истории проявления воли лишь того или другого класса, воли, обусловленной классовым интересом, положением данного класса в процессе производства и распределения. Поэтому, конечно, и закон не может быть одновременным выражением воли рабочего, банкира, деревенского батрака, крупного землевладельца, мелкого лавочника, его служащего и т. д. и т. д.

Закон может быть или целиком выражением воли господствующего класса, или — в некоторых случаях — результатом классового компромисса, некоторым соглашением, пытающимся установить на известное время известное равновесие классовых интересов двух борющихся классов. Пролетариат совершенно иначе относится к закону. Ведь в задачу диктатуры пролетариата и государства переходного периода

входит коренная перестройка всех общественных отношений буржуазного общества на почве изменения экономической основы, порождающей эти отношения. Подавление сопротивления прежде господствующих классов, создание общественного, планово организованного и управляемого народного хозяйства и упразднение всех остатков рыночного товарооборота — таковы вкратце задачи пролетариата, организованного в государство и строящего социализм. Вся деятельность государственного аппарата диктатуры рабочего класса направлена к достижению именно этих целей. Свою деятельность рабочее государство может, конечно, осуществлять в различных формах: и в форме приказа того или иного управляющего органа, и в форме акта, обязательного для всех учреждений и лиц в пределах государства. Но все эти акты, распоряжения, приказы, декреты и прочее представляют собою не что иное, как орудия деятельности господствующего пролетариата в интересах достижения основных задач его государства. Эти задачи могут носить характер кратковременной, преходящей нужды или же носить более длительный характер, но все они, в конце-концов, определяются основными целями пролетарского государства, как переходного к бесклассовому обществу. Поэтому пролетариат и коммунистическая партия, руководящая его государством, не имеют нужды проводить какое-либо принципиальное различие между теми и другими формами своей государственной деятельности и придавать понятию «закона» какое-то высшее значение нормы, царствующей над всеми другими сторонами деятельности государства или даже руководящей деятельностью самого государства. Следовательно в законодательстве пролетарского государства стирается всякая принципиальная грань между законом, с одной стороны, и прочими актами государственного управления — с другой.

Поэтому, далее, в пролетарском государстве и нет места особым органам власти, которые предназначались бы исключительно для того, чтобы вырабатывать эти «высшие нормы», т.-е. особым законодательным органам, которые стояли бы

в стороне от дела государственного управления, подобно буржуазным парламентам.

Еще Маркс, оценивая опыт Парижской Коммуны, ставил ей в особую заслугу то, что она упразднила отделение законодательства от управления. В своей работе «Гражданская война во Франции» он писал: «Коммуна должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы». И В. И. Ленин указал, что «выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие учреждения»; и дальше — «парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет». («Государство и революция»).

В действительности в буржуазных государствах парламенты давно перестали быть органами, определяющими ход государственных дел. Прежде всего самые голосования законов в парламентах протекают не так, как это отвечало бы интересам широких народных трудовых масс, а так, как этого желают тресты, синдикаты, банковские концерны, деятели биржи. Не даром в Америке сложилась поговорка, что законодательная власть принадлежит «третьей палате Конгресса». Конгресс состоит из двух только палат, но «третьей» палатой иронически именуется та публика из представителей финансового капитала, которая заполняет кулуары Конгресса и которая и диктует членам Конгресса, в каком направлении они должны голосовать. Кроме того, та оторванность от фактического руководства государственной жизнью и оторванность от широких трудящихся масс, их интересов и нужд, которая так характерна для буржуазных парламентариев, выдвигает в буржуазном государстве на передний план правительственный чиновничий аппарат: «настоящую госу-

дарственную работу» делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье» (Ленин, «Государство и революция»).

Организовав советы, как органы власти, пролетариат создал их именно не как учреждения непрерывного законодательства, т.-е. только обсуждения и голосования законов, а как рабочие органы, стоящие в самой гуще практической жизни, тесно связанные с массами рабочих и трудовых крестьян. За это говорит, прежде всего, тот краткий срок, на который избираются советы: первоначально — три месяца, но затем столь краткие сроки полномочий, не дававшие возможности советам как следует вникнуть в дело, и слишком частые перевыборы выказали свои неудобства, и постепенно срок был удлинен до одного года. Этот срок гораздо короче, чем те, на которые избираются не только парламенты (обычно свыше 3 лет), но и органы местного самоуправления у буржуазии (тоже несколько лет). Столь короткий срок полномочий не позволяет депутату превратиться в «профессионального законодателя», какими в лучших случаях являются буржуазные парламентарии. В промежутках между заседаниями совета и сессиями с'езда советов его члены продолжают выполнять свою обычную работу на фабриках, заводах, в учреждениях, в крестьянском хозяйстве,— таким образом, они сохраняют тесную связь со своей обычной трудовой средой, с трудящимися массами. Эти массы в повседневной жизни могут критиковать деятельность своих представителей, которые не отрываются от взглядов, нужд и запросов избирателей. Между тем в буржуазной политической и юридической литературе уже неоднократно высказывались опасения по поводу того отрыва парламентских депутатов от своих избирателей, который представляет собою общее и обычное явление в странах парламентаризма. И там мы уже слышим голоса, предлагающие различные способы установления связи парламентариев с избирателями; но проведение в жизнь каких бы то ни было мероприятий в этом направлении будет уже знаменовать отказ от основных принципов в по-

строении буржуазно-демократического государственного аппарата.

Определяя компетенцию органов центральной власти, Конституция Союза ССР, равно как и конституции отдельных союзных республик, не проводят принципа разделения властей. Так,например, ст. 1 Конституции Союза ССР говорит: «ЦИК СССР издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, об'единяет работу по законодательству и управлению...» Здесь мы видим, что ЦИК Союза выполняет функции власти законодательной (издание кодексов и декретов, см. также статью 18 Конституции) и власти правительственной — издает постановления и распоряжения, т.-е. акты государственного управления, а не законы, и об'единяет законодательную и правительственную деятельность всех других органов.

Говоря о Президиуме Союзного ЦИК'а, Конституция еще отчетливее выражает мысль о непризнании принципа разделения власти. В ст. 29 читаем: «Президиум ЦИК'а СССР в период между сессиями ЦИК'а СССР является высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза ССР».

Кроме того, ЦИК Союза и его Президиум обладают и рядом полномочий в судебной области. Так, например, им принадлежит право общей амнистии и помилования отдельных граждан, осужденных судом; они могут отменять, по протесту прокурора Верховного суда СССР, приговоры и решения Верховных судов союзных республик в случае их несоответствия Конституции СССР или общесоюзному законодательству. Таким образом, мы видим, что эти органы власти не могут быть отнесены ни к чисто законодательным и ни к исключительно исполнительным в том смысле, как это понимается буржуазными конституциями. О Совнаркоме Союза ССР ст. 37 Конституции говорит, что он «является исполнительным и распорядительным органом ЦИК'а СССР», считая правительственные функции СНК как бы преобладающими в его деятельности. Но этим наши основные законы не ограничиваются. Конституция СССР, как и конституции

отдельных республик, предоставляют Совнаркому право непосредственно законодательствовать от его имени, издавая декреты и постановления (ст. 38 Конст. СССР; ст. ст. 19 и 34 Конст. РСФСР; ст. 6 Положения о СНК УССР и аналогичные статьи других конституций). Таким образом, СНК является по Конституции законодательным органом, чего никак нельзя сказать о буржуазных кабинетах министров: их фактическая законодательная роль весьма велика, но она развивается помимо конституции и за счет законодательства парламентского. Кроме того, Совнарком принимает, в качестве предварительной инстанции, участие в обсуждении всех декретов, вносимых в ЦИК и Президиум ЦИК'а, и обычно декреты и постановления Президиума ЦИК опубликовываются от имени ЦИК и Совнаркома.

Следовательно, Совнарком не является только исполнительным правительственным органом, а правительственным и законодательным.

Но мы видим определенное размежевание или распределение функций между указанными органами, т.-е. ЦИК'ом, его Президиумом и Совнаркомом. Это — не разделение властей, а техническое разделение труда между органами власти одного и того же господствующего класса— пролетариата.

Так, например, кодексы законов и важнейшие декреты, устанавливающие общие нормы политической и экономической жизни или вносящие коренные изменения в практику государственных учреждений, должны быть рассмотрены и утверждены — для Союза ССР — ЦИК'ом Союза, для остальных республик — их ЦИК'ами (ст. ст. 17 и 18 Конст. СССР; ст. 26 Конст. РСФСР и пр.); Президиум ЦИК'а СССР может издавать такого рода декреты и кодексы лишь в исключительных случаях и с последующим внесением их на рассмотрения ЦИК'а (Полож. о ЦИК СССР, ст. 52 и прим.); что касается Совнаркома, то он вообще не в праве издавать такие декреты и кодексы.

Таким образом, в области законодательства мы видим постепенное убывание круга полномочий по направлению от

ЦИК'а к Совнаркому. О последнем ст. 38 Конст. СССР говорит, что он обладает законодательной властью лишь «в пределах, представленных ему ЦИК'ом Союза ССР, в то время как ЦИК, будучи верховным органом власти Союза, обладает всей полнотой законодательных полномочий наравне со с'ездом советов ССР, за исключением только права утверждения и изменения основных начал Конституции Союза, — это последнее право принадлежит только с'езду советов СССР (ст. 2 Конст. СССР). В то же время работа по непосредственному управлению государством распределена между этими органами в обратном порядке: ЦИК СССР (равно как и ЦИК'и союзных республик) дает по преимуществу лишь общие директивные указания по вопросам государственного управления, Президиум ЦИК'а ведает делами наиболее крупного и общего значения; они являются, следовательно, органами «верховного управления», как это называет буржуазное учение о государстве, и, таким образом, основная работа по управлению государством лежит на Совнаркоме. Следовательно, последний можно было бы определить, как орган непосредственного управления и текущего законодательства. Конституция РСФСР удачно выражает это в следующем определении: «Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление РСФСР» (ст. 33 Конст. РСФСР). Эта формула уже сама собою предполагает наличие определенных не только исполнительных, но и законодательных функций. Ведь, управляя чем-либо, всякому органу и должностному лицу приходится не только принимать конкретные меры во исполнение уже существующих законов и распоряжений, но и проявлять собственную инициативу в разрешении дел и вопросов, еще не предусмотренных и не разрешенных действующим законодательством. Эта инициатива и проявляется в издании соответствующих обязательных постановлений и распоряжений, поскольку дело касается какой-либо отдельной административной единицы (губернии, области, города и т. п.) или какого-либо конкретного частного случая, но, поскольку дело идет о территории целого государства — Союза ССР или союзной республики,

а также случая более или менее типичного и общего, здесь уже приходится говорить не об обязательном постановлении или распоряжении, а о декрете или законе, каковые и входят в компетенцию Совнаркома. Все сказанное выше относится не только к органам власти общесоюзной, но и к отдельным союзным республикам, так как строение и функции органов советского государства во всех его частях в основном, главнейшем, вполне совпадают.

При этом следует отметить, что в то время как буржуазные парламенты заседают семь-восемь месяцев в году, с'езды советов — всесоюзный и союзных республик, согласно последним постановлениям, происходят один раз в два года (прежде один раз в год), а ЦИК'и собираются на свои очередные сессии не реже трех раз в год на сравнительно непродолжительный срок — 5—7 дней, что, конечно, усиливает значение Президиума ЦИК'а и Совнаркома. В остальное время члены ЦИК'ов продолжают свою повседневную работу, не превращаясь в профессиональных законодателей. То, что было выше сказано о советах рабочих и крестьянских депутатов, целиком приложимо и к с'ездам советов, ЦИК'ам и их членам.

Следующей отличительной чертой советской государственной системы является тот способ, при помощи которого самая организация государственных органов обеспечивает права и интересы национальностей, населяющих наш Союз.

В буржуазных федеративных государствах (Соед. Штаты, Швейцария, Германия) верхние палаты (т.-е. сенат—в Соединенных Штатах, рейхстаг—в Германии и совет государств—в Швейцарии) организуются на началах представительства не от населения федерации в целом, а от ее отдельных государственных частей — государств: в Соед. Штатах — от штатов, в Швейцарии — от кантонов, в Германии — от отдельных «земель» (Пруссия, Саксония, Бавария и т. д.). Но это, в сущности, не есть представительство особенных *национальных* интересов, так как деление на штаты, кантоны и пр. в этих государствах вовсе не соответствует какому-

либо делению населения государств по национальному признаку: основное население всех этих частей буржуазных федераций принадлежит к одной и той же национальности.

Между тем, в Советском Союзе деление на союзные и автономные республики и автономные области построено именно исходя из основного национального признака. Каждая отдельная самоуправляющаяся часть в нашем Союзе (республика или авт. область) есть в то же время организованная в государственную единицу национальность. Представительство от этих национальных частей Союза выделено в особый орган — Совет Национальностей, входящий в состав Союзного ЦИК'а. Последний, таким образом, состоит из двух частей — Союзного Совета, являющегося представительством трудящегося населения Союза, как целого, и Совета Национальностей, такого же классового органа трудящихся, но предназначенного отражать особенности экономики, языка, быта, культуры и прочего, отличающего одну национальность от других. Совет Национальностей организуется из представителей каждой республики (союзной и автономной) и каждой автономной области; первые, т.-е. республики, избирают по 5 представителей, авт. области — по одному, и весь состав Совета Национальностей утверждается в целом всесоюзным с'ездом советов.

Таким образом, ни одна национальность, если она организована в государственную единицу (республику или авт. область), не лишена непосредственного и индивидуального участия в деле государственного управления и законодательства. По своим правам оба Совета, составляющие Союзный ЦИК — Союзный Совет и Совет Национальностей — вполне равны. Для того, чтобы проект декрета, кодекса или постановления, поступивший в ЦИК, получил силу закона, он должен быть принят обоими Советами, при чем проекты вносятся обычно в оба Совета одновременно. Заседания Советов происходят, по общему правилу, раздельно, но весьма не редки и совместные заседания. В последнем случае Советы голосуют, все же, раздельно, и, таким образом, более многочисленный Союзный Совет не мог бы, даже если бы захотел,

подавлять своим большинством орган национального представительства — Совет Национальностей. Но в таком подавлении, конечно, нет и никогда не будет надобности. При раздельном обсуждении вопросов может получиться разногласие между мнениями Советов. Конституция СССР предусматривает этот случай и устанавливает, что при таком разногласии создается согласительная комиссия из представителей обоих Советов поровну от каждого. Если комиссия не придет к соглашению, вопрос переносится на совместное заседание советов; если же и здесь соглашение не будет достигнуто, вопрос, в случае желания того или другого Совета, переносится на разрешение с'езда советов Союза.

Но не только ЦИК Союза создается на началах охраны и представительства интересов отдельных национальностей. Орган верховного управления — Президиум ЦИК'а строится на этом же начале. В его состав входят 27 человек, из них 9 от Союзного Совета, 9 от Совета Национальностей и девять, избираемых на совместном заседании Советов.

Тот же принцип заботливого внимания к нуждам национальностей нетрудно проследить и при рассмотрении СНК СССР. Союзные республики имеют своих представителей (с совещательным голосом) и в Совнаркоме, и в СТО СССР, и в других комиссиях СНК. Право председателей Совнаркомов союзных республик участвовать в заседаниях СНК СССР (с совещательными голосами) специально оговорено в Положении о СНК. Эти представители союзных республик, как и ЦИК'и и СНК последних в праве вносить в СНК СССР проекты законов. Установлена широкая практика отзывов, даваемых представительствами союзных республик на проекты, возникающие в СНК. Такого полного и всестороннего представительства интересов меньших наций и такого их обеспечения не знает ни одно буржуазное федеративное государство.

Оригинальной чертой советской государственной системы в ее сравнении с буржуазными является, между прочим, отсутствие формального «главы государства», каким у буржуазии является или наследственный монарх, или избираемый на

определенный срок президент. Такой президент по конституции есть глава исполнительной власти; он утверждает состав кабинета министров, представляемый ему первым министром; он назначает чиновников; он считается верховным вождем армии и флота; ему принадлежит право помилования лиц, осужденных судами; он представляет государство во внешних сношениях, и при нем аккредитуются послы иностранных государств; ему принадлежит право награждения чинами и орденами, и, наконец, он санкционирует законы, принятые парламентом, обладая (не всегда) правом veto (т.-е. правом вернуть законопроект в парламент для нового обсуждения). Кроме того, глава государства в случаях, указанных в законе, имеет право издавать указы общеобязательного значения; в большинстве государств он в праве распускать парламент. Однако фактически глава государства не располагает никакой властью, являясь по преимуществу фигурой декоративной, существующей, главным образом, для «представительства». Исключение составляют президенты С.-А. С. Штатов и Турецкой респ., действительно обладающие значительными полномочиями в сфере государственного управления и фактически руководящие правительственной деятельностью. В других государствах эта руководящая роль принадлежит не президенту или королю, а председателю кабинета министров. Из буржуазных государств особого главы государства не имеют только Швейцария и Эстония. Правда, Швейцарская конституция знает титул «президента союза», но этот президент является лишь председателем исполнительного органа Швейцарского Союза, то-есть, Союзного Совета, состоящего из 7 членов. Президент Союза избирается на один год в общем заседании палат, без права переизбрания, и не имеет обычных прав, присваиваемых президентам других буржуазных республик. В Эстонии роль главы государства выполняет также председатель правительства, называемый государственным старейшиною; из функций главы государства ему принадлежит только право представлять Эстонскую республику во внешних сношениях; в остальном — это обычный председатель кабинета мини-

стров. Наличие хотя бы и декоративного главы государства об'ясняется той типично-буржуазной психологией, которая не может представить себе существование какого-либо предприятия или учреждения «без хозяина». Эта психология выявляет себя в стремлении персонифицировать государственное целое, то-есть представить его в лице такого «хозяина»— президента или короля. Кроме того, здесь, несомненно, сказываются еще и остатки неизжитых окончательно монархических традиций, что особенно выявило себя при создании во Франции «третьей республики» после падения империи Наполеона III. Эти внешние монархические формы живучи и в такой стране старейшей буржуазной демократии, какой является Англия, до сих пор еще не расставшаяся с фикцией власти короля.

Указанные поводы для существования главы государства в СССР не существуют. Но нет и никакой д е л о в о й потребности в создании такого института.

Кроме того Конституция СССР не именует главой государства председателя ЦИК'а. Те шесть (по числу союзных республик) председателей ЦИК'а, которых ЦИК выбирает из состава своего Президиума, исполняют свои обязанности поочереди (ст. 62-я Положения о ЦИК СССР). Очередной председатель «действует в пределах полномочий, предоставленных председателю Президиумом ЦИК СССР, и от имени последнего принимает необходимые меры распорядительного характера, доводя о них до сведения Президиума ЦИК СССР на ближайшем заседании» (ст. 63). Как видим, председатель ЦИК'а не обладает никакими особыми правами, которые были бы присвоены ему по должности и которые свойственны обычно главе государства; он — только председатель коллегиального органа, обладающий распорядительной властью по уполномочию последнего. Подпись председателя ЦИК'а под декретом вовсе не есть санкционирование этого декрета, подобно президентской санкции законов, принятых парламентом; это—обычная подпись председателя под актом, принятым тем коллегиальным учреждением, в котором данное лицо председательствовало. Само собой разумеется, что и

председатель Совнаркома не является главой государства в указанном выше смысле. Некоторые функции, обычно присваиваемые буржуазными конституциями главе государства, у нас выполняются Президиумом ЦИК. К таким функциям относятся: право помилования, награждения орденами, аккредитирование послов. Президиум ЦИК также назначает и увольняет отдельных Народных Комиссаров; но право образования Совнаркома в целом, а также назначение председателя Совнаркома принадлежит ЦИК'у.

Самым существенным элементом советской государственной системы, резко и коренным образом отличающим ее от буржуазной демократии, является та форма представительства трудящихся масс, та степень связи органов власти советского государства с этими массами, которая создана Октябрьской революцией и совершенно не известна буржуазным государствам.

Не входя здесь в подробности нашего избирательного права, о которых читатель прочтет в специальном очерке тов. Игнатьева, отметим, что советская Конституция сделала работу по законодательству, государственному строительству и управлению государством делом самих трудящихся масс, создала постоянную живую органическую связь избираемых депутатов с их избирателями и поставила депутатов под постоянный и непрерывный контроль этих последних.

Депутаты парламента, начиная со времени Великой французской революции, считаются «выразителями воли всей нации в целом». В качестве таковых они не подлежат никакому контролю со стороны своих избирателей, так как являются представителями не их, а «всего народа». Поэтому избиратели в буржуазных государствах не могут обязывать своего депутата обязательными для него наказами или инструкциями, — это категорически воспрещается конституциями, при чем такое запрещение во многих случаях прямо выражено в тексте конституции. Депутат парламента также не обязан представлять своим избирателям отчет, и избиратели не могут его требовать. В случае, если депутат, избранный данным избирательным округом, окажется не удовлетворяющим тем

требованиям, которые пред'являют к нему избиратели, если он нарушает их доверие или даже злоупотребляет им, избиратели все же не могут лишить его мандата, отозвать из парламента и послать на его место другого, более отвечающего их требованиям. Самые выборы депутатов в парламенты производятся по территориальному принципу, т.-е. по системе избирательных округов. Таким образом, все население данного избирательного округа, в состав которого входят и рабочие, и крупная буржуазия, и мелкая буржуазия, а также иногда и крестьянство, должно совместно избрать одного или нескольких «выразителей воли нации». Естественно, что если, напр., в избирательной борьбе одержит победу кандидат партии крупной буржуазии, он уже никак не может считаться представителем мнений и интересов даже своего избирательного округа, а только лишь части его, и далеко не самой значительной по численности; в случае выборов рабочего кандидата буржуазия, входящая в состав населения данного округа, в свою очередь не будет и не может считать его своим представителем. Установление границ таких избирательных округов принадлежит правительству, и здесь мы имеем большое количество случаев всяких манипуляций, составляющих целую своего рода «науку»—избирательную «географию». Территории округов устанавливаются с таким расчетом,чтобы не дать в них преобладания революционно настроенным элементам; рабочие кварталы, например, рассекаются на 2—3 части, и к каждой из них присоединяется часть буржуазного квартала, таким путем рабочее население «разбавляется» буржуазным избирательным элементом, лишается своей концентрированности и ослабляется в избирательной борьбе.

Совсем иную картину дает нам представительство, организованное в советах депутатов по советской Констиуции.

Оно, прежде всего, основывается не на территориальном, а на производственном принципе. Избирательной единицей является не округ, а завод, фабрика, рудник, профессиональный союз. Рабочие и служащие данного предприятия составляют избирательную единицу, посылающую в совет своего

представителя. Здесь, следовательно, создается тесная связь депутата с определенной производственной группой населения, получающей представительство своих интересов и мнений в органе власти. И только лишь неорганизованное население, необ'единенное общностью производства, избирает по территориальному принципу, по участкам или районам; к такому населению относятся, напр., домашние хозяйки, кустари, извозчики и пр.

Избранный в совет депутат обязан представлять своим избирателям периодические отчеты о своей деятельности в совете и о работе совета в целом. Конституция считает эту обязанность депутата столь существенной, что, в случае невыполнения ее депутатом, избиратели могут лишить его полномочий и избрать на его место другого. Кроме того, избиратели могут обязывать своего представителя наказами и инструкциями, и депутат обязан отчитываться в том, как он их проводит в жизнь.

Помимо случаев непредставления отчета, депутат может быть во всякое время отстранен своими избирателями, если его деятельность их не удовлетворяет.

Указанными положениями создается тесная связь депутата и избравших его групп трудящихся и подконтрольность членов совета своим избирателям. Это не дает депутату ни малейшей возможности оторваться от своей среды и проводить начинания, не отвечающие интересам и точкам зрения трудящихся.

Характеризуя с этой стороны советскую систему, В. И. Ленин писал («Удержат ли большевики государственную власть»): «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могуча, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что

ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократизма. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов — рабочих и крестьян, являясь, таким образом, аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение».

В. И. Игнатьев

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Избирательным правом называется право выбирать и быть избранным в государственные и местные органы власти. Следовательно, избирательное право определяет, кто из населения может участвовать в управлении государством и в его строительстве. От того, кто будет выбирать советы, зависит, кто будет в советах, кто будет управлять и руководить Союзом ССР. Отсюда огромное значение избирательного права. Советская избирательная система имеет своей задачей обеспечить участие в управлении государством большинства населения — трудящихся и, прежде всего, рабочих и крестьян. В то же время она устраняет всякую возможность доступа к власти и управлению классовых врагов пролетариата. Иными словами, в советском государстве избирательное право является не чем иным, как одним из важнейших способов осуществления пролетарской демократии. Тов. Ленин в своей статье «Очередные задачи советской власти» в 1918 году писал: «социалистический характер демократизма советского, т.-е. пролетарского, в его конкретном данном применении и состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплоатируемые массы, буржуазия исключается». (Собр. соч., том XV, стр. 205).

Избирательные законы носят такой же классовый характер, как и само государство, сама государственная власть и все государственные учреждения. В советском государстве избирательное право — значит право пролетариата, его союзника-крестьянина и всех трудящихся участвовать в поли-

тической жизни государства. В буржуазных государствах избирательное право является, в свою очередь, способом укрепления господства буржуазии, средством закрепить за имущими классами исключительное право руководства государством.

Буржуазия и в вопросе избирательного права старается скрыть от трудящихся масс его истинный классовый характер, как и классовое существо собственнического государства. Почти все буржуазные конституции говорят о так называемом всеобщем избирательном праве. Но это название не должно нас обманывать: оно указывает, в действительности, лишь на то, что закон не ставит пользование избирательным правом в открытую зависимость от имущественного положения лица, — не требует, как условия, уплаты налога, или владения недвижимостью, или минимума квартирной платы, или дохода с капитала, или владения торговым или промышленным предприятием. Таков был закон в царской России. Выбирать и быть избранными в государственную думу могли лица, обладающие имущественным цензом: землевладельцы, домовладельцы, владельцы предприятий промышленных и торговых, крупные служащие и т. п. При этом избирательный закон в государственную думу так был построен по отдельным с'ездам выборщиков (ниже мы остановимся на этом более подробно), что огромное большинство в думе было обеспечено за крупной буржуазией. Революционные политические партии, чтобы получить возможность использовать трибуну государственной думы для критики царского правительства и для обращения через его голову к трудящимся массам, должны были покупать имущественные цензы для своих членов, проводимых в государственную думу. Также и в органы земского и городского самоуправления могли выбирать лишь лица, удовлетворявшие требованиям ценза. В настоящее время лишь в Японии закон требует от избирателя уплаты определенной суммы налогов. Имеются следы имущественного ценза и в Англии, где женщина получает избирательное право, если она или ее муж владеют в округе землей или занимают отдельную

квартиру не ниже известной цены. В наше время имущественный ценз отжил свое. Почти всюду введено «всеобщее» избирательное право, изобилующее, однако, такими условиями, которых вполне достаточно для отстранения от выборов сплошных масс неимущего населения.

Избирательное право различается: активное — право выбирать и пассивное — право не только выбирать других, но и самому быть выбранным. По советской Конституции нет никакой разницы между активным и пассивным избирательным правом. Каждый трудящийся, достигший 18-летнего возраста, у нас одновременно обладает и тем и другим. В буржуазном же государстве между активным и пассивным избирательным правом имеется существенное отличие. Там право выбирать предоставляется раньше, чем право быть выбранным. Если правом выбирать пользуются лица, достигшие, примерно, 21 года, то право быть избранными имеют лишь достигшие 25 лет. Требование большего возрастного ценза имеет в виду отстранить от участия в органах власти наиболее молодой и активный элемент. Это один из способов обеспечения в этих органах более консервативного состава. Та же цель достигается рядом других приемов. Так, например, польская конституция в ст. 11 указывает, что сейм состоит из депутатов, избираемых всеобщим голосованием. Ст. 12 этой же конституции говорит, что только польский гражданин, достигший 21 года, может пользоваться избирательным правом. Вторая часть ст. 12 еще более суживает «всеобщее» избирательное право: «военные, состоящие на действительной службе, не имеют права голосования». Следующая статья, 13-я, идет еще дальше. Она указывает, что пассивным избирательным правом пользуются лишь лица 25 лет от роду. Иными словами, устраняются от выборов взрослое население страны от 18 до 25 лет и военные, включая многие тысячи рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры. Но этого мало. Ст. 18 говорит, что подробные правила о выборах депутатов в сейм будут изложены в положении о выборах. Это значит, что правительство будет иметь возможность такого истолкования конституционного избирательного закона, что-

бы, как показывает опыт всех буржуазных государств, основательно просеять избирателей и устранить всех неблагонадежных. Та же картина в Чехо-Словацкой республике. Активным избирательным правом пользуются достигшие 21 года, а пассивным — 30 лет. Ст. же 12 конституции указывает, что более подробные правила относительно осуществления избирательного права и производства выборов дает закон о выборах в палату депутатов.

Или возьмем ограничения, касающиеся пола, которые мы находим в некоторых странах, введших «всеобщее» избирательное право. Женщины лишены избирательных прав в таких «демократических» государствах, как Швейцария и Франция, не говоря уже об Италии или Испании. В Англии женщина раньше имеет право быть выбранной в парламент, чем выбирать в него. Достигши 21 года, она может быть депутатом парламента, если ее выберут; но сама выбирать в парламент, пользоваться активным избирательным правом она может, лишь достигши 30 лет. Такая хитроумная комбинация придумана, очевидно, в надежде, что избиратели-мужчины из-за своих бытовых предрассудков женщин в парламент не пошлют; поэтому безопасно дать ей пассивное избирательное право даже в 21 год. Конечно, избирательных прав женщины были лишены при выборах в государственную думу в царской России.

Значительные ограничения для трудящихся, и притом наименее обеспеченных, вводит требование оседлости. Во Франции, в Англии и ряде других государств в избирательные списки заносятся избиратели, прожившие на одном месте не менее 6 месяцев. В России при царизме требовался целый год. Совершенно ясно, что временные рабочие в городах, сезонные рабочие в городах и в деревнях при этом требовании избирательных прав лишаются, так как по роду своей работы они не имеют столь продолжительной оседлости, какая требуется законами. Советская Конституция ценза оседлости не знает: все трудящиеся, где бы их ни застали выборы в советы, имеют право принять в них участие.

Существуют в буржуазных государствах ограничения избирательного права, создаваемые на почве национальной,

расовой, вероисповедной. Так, например, в царской России лишены были избирательных прав бродячие инородцы, язычники, ограничены были избирательные права евреев, поляков и т. п. В настоящее время в выборах в английский парламент, являющийся фактическим парламентом Британской империи, не участвуют колониальные народы; в Америке лишены во многих штатах избирательных прав негры, так как конституция этих штатов требует, чтобы избиратели умели правильно писать или говорить по-английски; специальная комиссия проверяет правильность правописания и произношения негров на английском языке и на этом основании массами исключает их из избирательных списков. Негров же, а также плохо оплачиваемых рабочих имеет в виду имущественный ценз в некоторых штатах. Конечно, у нас избирательными правами пользуются все трудящиеся, независимо от того, к какой национальности они принадлежат, при чем никого не спрашивают об его религии. Лишены избирательных прав в ряде буржуазных государств солдаты и матросы, чего у нас, конечно, нет. В государственную думу лишены были избирательных прав даже обучающиеся в учебных заведениях, чем отстранялись от выборов наиболее революционные группы молодежи.

Таковы, говоря суммарно, категории граждан, официально лишенные избирательного права по буржуазным конституциям и законам. Но, как мы дальше увидим, этим ограничения не исчерпываются, так как не меньшие ограничения избирательных прав вытекают из того, каков самый порядок выборов. От того, как выбирать, как производить выборы, также зависит очень много. Но об этом дальше. Теперь же перейдем к изучению того, кто по советской Конституции имеет право выбирать и быть выбранным в советы.

Общесоюзная Конституция не содержит перечня тех категорий граждан, которые пользуются избирательным правом. Союзная Конституция возникла в то время, когда уже действовали конституции союзных республик, подробно останавливающиеся на этом вопросе, и не было необходимости повторять в Конституции Союза ССР положения, уже нашед-

шие себе место в республиканских основных законах. Поэтому для изучения советского избирательного права прежде всего необходимо обратиться к изучению этих конституций.

Конституции РСФСР и других союзных республик отвечают на вопрос об избирательном праве двойными перечнями граждан: они указывают и тех, кто имеет избирательные права в советы, и тех, кто лишен избирательных прав. Но для необходимого развития и уточнения директив основного закона ЦИК'ом СССР и ЦИК'ами союзных республик издаются инструкции. Из них действующими в настоящее время являются инструкция ЦИК Союза ССР о выборах в советы от 28 сентября 1926 года и по РСФСР инструкция ВЦИК о выборах городских и сельских советов и о созыве с'ездов советов от 4 декабря 1926 г. Эти инструкции распространены действием и на предстоящую избирательную кампанию 1928 г. Поэтому для знакомства с нашим избирательным законом необходимо рассмотреть как соответствующие места Конституции РСФСР, так и упомянутые инструкции ЦИК Союза ССР и ВЦИК.

В Конституции РСФСР три статьи посвящены вопросу о том, кто имеет право выбирать и быть избранным в советы: статьи 68, 69 и 14. Статья 68 перечисляет категории граждан, имеющих избирательные права, а ст. 69 устанавливает категории лиц, лишенных такового. Статья же 14 говорит, что, руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР «лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции». Она дает право правительству РСФСР вводить дополнительные группы граждан, лишаемых избирательного права. Но следует особенно подчеркнуть, что это право принадлежит лишь центру, а не местным органам власти. Ст. 17 инструкции ВЦИК о выборах в советы точно и определенно это положение устанавливает: «Лишение избирательных прав местными органами власти лиц, не подпадающих под действие ст. 69 Конституции РСФСР и ст. ст. 14 и 15 настоящей инструкции, не допускается и производится лишь по постановлениям Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на основании ст. 14 Конституции РСФСР».

Ст. 68 Конституции РСФСР устанавливает три основные группы населения, которые имеют право выбирать и быть избранными в советы. При этом следует заметить, что во вводной части этой статьи находит себе место упомянутый советский принцип, не допускающий каких-либо ограничений избирательного права в зависимости от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т. п. Первый пункт этой статьи, пункт «а», указывает, что избирательным правом пользуются граждане, достигшие 18 лет, добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда. Что такое производительный и общественно-полезный труд, едва ли нужно доказывать и пояснять. Это — труд, имеющий своей главной целью интересы общества и государства. Иными словами, все рабочие, трудовые крестьяне, служащие занимаются общественно-полезным и производительным трудом. Тем не менее, это понятие, выступая в качестве мерила для лишения избирательного права одних и наделения им других, нуждается в уточнении и раз'яснении, что и делают инструкция ЦИК Союза ССР о выборах в советы и несколько дополняющая последнюю избирательная инструкция ВЦИК. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что все рабочие и все наемные служащие имеют право выбирать в советы независимо от того, работают ли они в государственных учреждениях, общественных организациях или частных предприятиях. Одинаково и рабочие в государственном тресте, и рабочие на предприятии у нэпмана, и приказчик в частном магазине имеют избирательные права. Не должно возникать сомнений и об избирательных правах руководителей государственных предприятий и торговых учреждений: членов правлений акционерных обществ со смешанным капиталом, директоров государственных и кооперативных фабрик и заводов и т. п. Было бы грубой ошибкой смешивать красных директоров и членов правлений наших трестов с частными директорами, заводчиками и фабрикантами. Наши красные руководители промышленных и торговых предприятий имеют своей задачей не эксплоатацию

труда и личную наживу, а интересы советского государства. Они занимаются производительным и общественно-полезным трудом. То же самое следует сказать и в отношении членов правлений акционерных обществ со смешанным капиталом, являющихся представителями государственного капитала или кооперативного, как и в отношении руководителей других советских общественных организаций.

Но далее может встать вопрос: могут ли, например, лица свободных профессий пользоваться избирательными правами? Является ли труд члена коллегии защитников, писателя, доктора, если эти лица не состоят на службе по найму, общественно-полезным производительным трудом? На этот вопрос дает исчерпывающие раз'яснения инструкция о выборах в советы ЦИК Союза ССР, и именно ст. 12 ее. Пункт «з» этой статьи указывает, что лица свободных профессий, занимающиеся общественно-полезным трудом и не лишенные избирательных прав по другим статьям конституций союзных республик, не могут быть лишены избирательных прав. Сюда относятся ученые, члены коллегии защитников, писатели, журналисты и т. п. Но само собою разумеется, что вопрос о лишении их избирательных прав встает, если они являются собственниками или владельцами учреждений, хотя бы и ставящих своей задачей общественно-полезную деятельность, но тем не менее дающих им возможность эксплоатировать с целью наживы чужой труд: частные лечебницы и т. п.

Пункт «д» ст. 12 инструкции ЦИК Союза ССР о выборах в советы указывает также, что не могут быть лишены избирательных прав лица, получающие проценты с трудовых вкладов и с облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов, при условии, если эти доходы не являются основным источником их существования и если, конечно, эти лица не лишены избирательных прав по другим основаниям. В противном случае должны были бы быть лишены избирательных прав те рабочие и крестьяне, которые подписались на займы, вложили свои трудовые сбережения для содействия индустриализации или поднятию сельского хозяйства нашей страны. Пункт «е» ст. 12 инструкции ЦИК

Союза ССР наделяет также избирательными правами и некоторые категории лиц, занимающихся мелкой торговлей: инвалидов труда и войны, торгующих по бесплатным патентам народных комиссариатов социального обеспечения, безработных рабочих и служащих, выбирающих патенты первого разряда, если это занятие для них является временным. Здесь имеются в виду трудящиеся, в силу особых условий поставленные перед необходимостью искать свое пропитание путем мелкой торговли — с рук, в разнос или в развоз. Инструкция ВЦИК — пункт «ж» ст. 16 ее — несколько уточняет этот вопрос, требуя, чтобы безработные рабочие и служащие, занимающиеся мелкой торговлей, не лишались избирательных прав лишь при условии, если они состоят на учете посреднических бюро труда; уточнение, имеющее целью предупредить злоупотребления со стороны нетрудовых элементов.

Пункт «ж» ст. 12 инструкции ЦИК Союза ССР говорит о том, что не могут быть лишены избирательных прав работающие по найму или по выбору религиозных общин, если их работа носит административно-хозяйственный или технический характер. Сюда же относятся сторожа, уборщики, звонари, певчие и т. п., если они не лишены избирательных прав по другим основаниям, а также и члены приходских советов, так как приходские советы являются органами, избранными группами верующих, и выполняют административно-технические поручения граждан-верующих, в значительной своей части — трудящихся.

Вопрос об избирательном праве крестьян очень сложен. Крестьянство не представляет однородной массы. Здесь мы находим три основные категории: бедняков, середняков и кулаков. Бедняк является опорой советской власти в деревне, середняк — его крепким и твердым союзником, а кулак — определенным классовым врагом. Поэтому в задачу советского избирательного закона входит обеспечение избирательных прав бедняков и середняков и недопущение к выборам в советы кулаков. Для возможно более точного разграничения среднего трудового крестьянина и кулака инструк-

ция ЦИК Союза ССР указывает, прежде всего, что избирательными правами могут пользоваться лишь те земледельцы, хозяйство которых не расширяется за пределы трудового хозяйства, а примечание к пункту «а» ст. 11 инструкции называет основным признаком трудового хозяйства подсобный характер наемного труда в нем и обязательное участие в повседневной хозяйственной работе наличных трудоспособных его членов. Дальше та же инструкция раз'ясняет, какой наемный труд и в каком об'еме, применяемый в крестьянском хозяйстве, не может служить поводом к лишению крестьян-земледельцев избирательных прав. Наемный труд в крестьянском хозяйстве может быть двоякий: постоянный и временный (или сезонный). Применение постоянного труда не может служить поводом для лишения крестьян-земледельцев избирательного права лишь в тех случаях, когда последние применяют в своем хозяйстве наемный труд только одного постоянного рабочего и то при наличии особых обстоятельств — болезни, мобилизации, избрания на общественную должность, требующую отрыва от хозяйства, и т. п. на все время данного состояния хозяйства. Следовательно, наем хотя бы и одного постоянного рабочего, но в целях поднятия производительности хозяйства, увеличения его размера, должен влечь за собой лишение избирательного права.

Что касается применения сезонного наемного труда крестьянами-земледельцами, то инструкция указывает, что не могут быть лишены избирательного права земледельцы, нанимающие во время страдной поры на короткий срок не более двух человек для уборки хлебов и трав. В дальнейшем Президиум ЦИК Союза ССР раз'яснил, что если в исключительных условиях (климатических, экономических и т. п.) для полевых работ применяются временные наемные рабочие в количестве и свыше двух человек на один день, но так, что в общем применение наемного труда не превышает ста рабочих дней за весь сезон, то это не служит поводом к лишению избирательных прав.

Довольно сложен вопрос и об избирательном праве кустарей и ремесленников. Советская власть целым рядом зако-

нодательных актов предоставляет этим слоям трудящихся налоговые льготы. Но это не значит, что все без исключения кустари и ремесленники могут допускаться к участию в политической жизни страны и наделяться избирательными правами. В отношении их наше законодательство проникнуто тем же духом, что и в отношении крестьян-земледельцев. Допускаются к выборам инструкцией ЦИК СССР те кустари и ремесленники, которые ведут трудовое хозяйство без применения наемной силы, и те, кто пользуется наемным трудом одного взрослого рабочего или двух учеников в силу технических условий производства (но не с целью расширения производства).

Вот те категории граждан, добывающих себе средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, которые, согласно п. «а» ст. 68 Конституции РСФСР, имеют право избирать и быть избранными в советы. Вторая же часть этого пункта предоставляет избирательные права, как мы видели, лицам, занятым домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда. Это, в первую очередь, домашние хозяйки. Не следует смешивать эту категорию со специалистами-предпринимателями — содержателями всякого рода столовых, кофеен, ресторанов и т. п., которые, конечно, основной своей задачей имеют наживу, для этого эксплоатируют чужой труд и поэтому избирательных прав лишаются.

Пункт «в» ст. 68 Конституции РСФСР указывает, что имеют избирательные права также и те трудящиеся граждане, которые потеряли в какой-либо мере трудоспособность. Об этом мы выше уже говорили: для лишения избирательных прав инвалидов и безработных не имеется никаких оснований.

Пункт «б» ст. 68 Конституции РСФСР предоставляет избирательные права красноармейцам и краснофлотцам, защитникам советского государства. Иначе, конечно, обстоит дело с избирательными правами участников белых армий. Из них не лишаются избирательных прав лишь те трудящиеся, что привлечены были в белые войска по мобилизации. Лица

командного и административного состава белых армий допускаются к выборам, если на действительной службе в Красной армии или флоте загладили свое прошлое.

Имеется еще одно очень существенное положение Конституции РСФСР, допускающее к участию в выборах в советы иностранцев. Вторая часть ст. 11 Конституции РСФСР предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории РСФСР «для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно к непользующемуся чужим трудом крестьянству». Этой статьей подчеркивается международный классовый характер пролетарского государства, единство интересов пролетариев всего мира.

Круг лиц, лишенных избирательного права, устанавливается ст. 69 Конституции РСФСР, статьей 10 и 11 инструкции ЦИК Союза ССР и ст. 14 инструкции ВЦИК. Конституция дает лишь основные категории этих лиц: прибегающих к наемному труду, живущих на нетрудовые доходы, торговцев, служителей религиозных культов, служащих и агентов бывшей полиции, жандармерии, охранных отделений, лиц, руководивших деятельностью полиции, карательных органов и т. п., душевно-больных или умалишенных, осужденных за корыстные и порочащие преступления. Более подробно об этом говорят избирательные инструкции. Они устанавливают три основные категории лишенцев: прибегавших или прибегающих сейчас к наемному труду с целью извлечения прибыли, живших или живущих сейчас на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся сейчас торговлей и лиц, относящихся по своему классовому положению к моменту выборов или по своей прошлой деятельности к категории лишенных избирательных прав согласно соответствующим статьям конституций союзных республик. Крайне существенным здесь является то положение, что лишаются избирательных прав не только те, кто ко времени выборов принадлежат к враждебным классам, но и те, кто в прошлом являлись нетрудовым элементом. Многолетний опыт существования советской власти показал, что ее классовые враги — помещики, фабриканты, торговцы, служители культов — не

стали ее друзьями лишь от того, что исчез против их воли источник эксплоатации и прекратилась их контрреволюционная деятельность. Только те из них, которые на деле доказали свою полезность советскому государству, могут быть в каждом отдельном случае, по специальному разрешению, наделены избирательными правами. Не рассматривая подробно все категории лишенных права выбирать, остановимся лишь на тех, которые требуют специального пояснения. Так, например, о крестьянах-земледельцах мы уже говорили. В соответствии с изложенным лишаются избирательных прав земледельцы, применяющие наемный труд — сезонный или постоянный — в таком об'еме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового, земледельцы, не ограничивающиеся земледельческим хозяйством, но состоящие собственниками или арендаторами промысловых и промышленных заведений и предприятий, ведущихся с применением постоянного или сезонного наемного труда, деревенские ростовщики, деревенские барышники-прасолы, занимающиеся на ряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей в виде промысла скота, сельскохозяйственных и иных продуктов и т. п.

Лишаются избирательных прав кустари и ремесленники, прибегающие к найму постоянной рабочей силы, за исключением отмеченных выше категорий. Само собой разумеется, что лишаются избирательных прав владельцы предприятий, частные торговцы, перекупщики, коммерческие посредники, арендаторы промышленных и торговых предприятий. Сюда же относится особый вид эксплоататоров, пользующихся тяжелым положением отдельных крестьян: владельцы предприятий промышленного типа, эксплоатирующие население путем сдачи работ на дом. Такие пауки-мироеды имеются в различных промыслах: ткацком, кружевном, ножевом и других.

По своей прошлой деятельности лишается избирательных прав длинный ряд лиц: не говоря уже о членах династии Романовых и высших правительственных чиновниках царского и белогвардейских правительств, устраняются от выборов

все, прямо или косвенно руководившие деятельностью полиции, охранки, жандармерии и обслуживавшие эти учреждения, как и все служащие тюремного ведомства и чины министерства внутренних дел, как и виднейшие судебные чиновники — прокуроры и товарищи прокуроров судебных палат (но не окружных судов), следователи по особо важным делам, председатели и члены военных судов и др. Перечень, приведенный в пункте «к» ст. 11 инструкции ЦИК СССР и в пункте «л» ст. 15 инструкции ВЦИК, есть исчерпывающий, и местные власти без разрешения Президиума ВЦИК не могут суживать или расширять его.

Лишены избирательных прав служители (в прошлом или настоящем) всех религиозных культов: монахи, послушники, священники, дьяконы, псаломщики, муллы, муэдзины, раввины, бии, казии, канторы, шаманы, ксендзы, пасторы, начетчики и т. п. Они лишаются избирательных прав, потому что источником их существования является не труд, а эксплоатация невежества и суеверия населения. Они потому-то и служили всегда прочнейшей опорой царизма, помещиков и капиталистов.

Наконец, к лишаемым избирательных прав по советской Конституции относятся приговоренные судом, если это лишение указано в постановлении суда, и на тот, конечно, срок, который определен постановлением. То же касается лиц, административно-высланных, и лиц, лишенных права проживания на месте своего прежнего жительства по судебным приговорам.

По общему правилу избирательные комиссии подходят к вопросу об устранении от выборов с достаточной осторожностью и не основываются на одних словесных заявлениях при этом, ибо тогда возможен простой оговор. Избирательным комиссиям указано, что они должны на основании документальных данных выносить свои решения о включении того или иного гражданина в список лишенцев, и лишь в особых случаях разрешается ограничиваться свидетельскими показаниями и тому подобными источниками. По вопросу о контрреволюционной деятельности и о контрреволюционном прошлом документами могут служить, как указывает

инструкция ВЦИК, справки административных органов или волисполкомов и сельских советов, а также сведения ГПУ; в отношении приговоренных судами — приговора или справки соответствующих судебных органов, в отношении нетрудового элемента — сведения финансовых органов об уплате ими подоходного или промыслового налога, сведения страховых касс о взносе страховых взносов, справки о выборке патентов и т. п.

Мы видели, что цель советского избирательного права — обеспечить рабочему и трудовому крестьянину возможность законодательствовать и управлять через советы. И эта цель вполне достигается. В это самое время буржуазия всеми неправдами отталкивает от избирательных урн великое, но плохо организованное и еще недостаточно сознательное большинство, чтобы держать в руках парламентские учреждения или пользоваться ими как ширмой. Большое значение имеет для результатов выборов не только самое избирательное право, но и избирательная система в собственном смысле слова: порядок выборов и способы голосования. Буржуазная демократия на ряду со всеобщим голосованием ставит лозунг равного, прямого и тайного голосования.

Равное голосование означает право каждого избирателя на один только голос. Но этот принцип далеко не всегда соблюдается. Так, в Англии закон предоставляет избирателю право при наличии известных условий, доступных только богатым, голосовать два раза. Таких привилегированных избирателей насчитывается там много сотен тыс. В др. государствах закон воспрещает множественное голосование, в то же время распределяя избирателей по классам так, чтобы голос имущего избирателя равнялся иногда нескольким сотням голосов неимущего. Такая «классовая» система существовала, например, в Пруссии до самого 1918 года. Или возьмем выборы в государственную думу (по положению 3 июня 1907 года). От Петербурга полагалось выбрать 6 членов государственной думы, по три от двух разрядов избирателей. К первому разряду принадлежали владельцы наиболее крупных домов и предприятий, а ко второму — все остальные цен-

зовые избиратели. Понятно, что избирателей по второму разряду было во много раз больше, чем избирателей первого разряда, а выбирали оба разряда поровну депутатов. Такого же рода неравномерность практиковалась и в применении к отдельным частям страны: Закавказью и Царству Польскому, Европейской России и Азиатской, и даже в применении к разным губерниям: в Вятской губернии один депутат приходился на 441 тысячу жителей, а в знаменитой своим черносотенным дворянством Курской один депутат приходился на 254 тыс. населения. Из двух членов думы, полагавшихся от Варшавы, одного выбирало русское население города, а другого — остальное, хотя избирателей не-русских было во много раз больше, чем русских. Хотя такого рода «грубые» способы неравного голосования ныне везде оставлены, тем не менее тот же результат достигается с успехом более тонкими средствами, среди которых искусственное выкраивание избирательных округов и участков имеет величайшее значение во Франции и Америке.

Наши конституции ничего не говорят о равенстве вообще, равенстве голосов в частности. Было бы иезуитизмом или, как утверждал Ленин, «колчаковством» говорить крестьянину, что он во всем равен городскому рабочему (сравни об этом стр. 19). По причинам, уже приведенным в другом месте этого сборника, пролетариату предоставляются некоторые преимущества при выборах на с'езды. На Всесоюзный, например, с'езд советов городские советы посылают одного делегата от 26.000 избирателей, а от сельского населения идет один делегат на 125.000 жителей. Принимая во внимание, что среди 125.000 сельских жителей наберется избирателей немногим более половины этого числа, мы найдем, что неравенство голосов вовсе уже не такое значительное, как представляется с первого раза. При этом нужно помнить, что пролетариат ставит одной из целей своей диктатуры поднятие культурного уровня и классового самосознания трудовой деревни, что неминуемо приведет к исчерпыванию неравенства. Что же касается выборов в сельские и городские советы, а также на волостные и районные с'езды советов,

то здесь в РСФСР все группы избирателей имеют вполне равноценное одинаковое участие в выборах, от каждой группы избирателей посылается одно и то же количество депутатов. Выделение у нас в городах, например, отдельных избирательных собраний для организованных в профсоюзы избирателей и для неорганизованных имеет в виду лишь технические удобства выборов. Было бы совершенно неправильно наделять одни группы избирателей в городе и в селе при выборах в советы и на волостные и районные с'езды советов какими-либо привилегиями по сравнению с другими. Нужно еще заметить, что пользование двумя или несколькими голосами у нас решительно воспрещено.

Что касается «прямого» голосования, то оно противополагается «косвенному» или «степенному», при котором избиратели не сразу выбирают депутата, а выделяют специальных выборщиков. Выборы от крестьян в государственную думу были четырехстепенные, от рабочих — трехстепенные. Этим достигалось надлежащее просеивание избирателей. Если рабочие выбирали уполномоченных, те — выборщиков, а выборщики шли в губернское избирательное собрание и там подавали голос вместе с выборщиками от землевладельцев, городской буржуазии и крестьян, то мог ли выбранный на этом собрании домовладелец или фабрикант, или поп, или кулак считаться представителем рабочих? Косвенные выборы ставят, помимо этого, между депутатами и населением искусственные перегородки в виде выборщиков, электоров, уполномоченных, как бы они ни назывались. Депутат чувствует себя тем дальше и независимее от первичных избирателей, чем больше между ним и ими наставлено этих коллегий выборщиков.

Рассматривая с этой точки зрения наши выборы, мы видим, что городские и сельские советы избираются населением непосредственно; иначе и быть не может. С'езды же советов — на то и с'езды советов, чтобы избираться советами и их с'ездами, а не как-нибудь иначе. Если губернский, например, с'езд избирается городскими советами и уездными с'ездами, а всероссийский, например, городскими советами и губерн-

скими и окружными с'ездами, то это — неизбежное свойство советской системы, а вовсе не приложение косвенного голосования. Какой бы то был с'езд советов, если бы он избирался непосредственно населением? И что осталось бы тогда от советской системы, прямой наследницы и в этом отношении Парижской Коммуны? (Сравн. Маркс. «Гражданская война во Франции», 1917, стр. 57—58: «Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное Собрание, заседающее в Париже»). Эти с'езды и советы, избирающие вышестоящие с'езды, далеки от коллегий выборщиков в системах косвенного голосования, как небо от земли; это органы пролетарской классовой власти, это не нарочито созданные избирательные собрания, а необходимые звенья советской системы. Поэтому в нашей литературе достаточно прочно укоренилось мнение, что наше избирательное право — не прямое и не косвенное, а советское.

Наконец, несмотря на тайное голосование, буржуазия умудряется обеспечивать себе большинство в парламентах вопреки воле рабочих и крестьян. Конечно, тайное голосование — прогресс для буржуазного государства, но в советских условиях оно облегчило бы всяческие плутни врагов рабочего класса, ничего решительно не давая трудящимся массам. Когда рабочий добивается тайны выборов в капиталистическом государстве, он стремится укрыться от шпионов работодателя и тем избежать его мести. Но при диктатуре пролетариата тайные выборы полезны были бы, очевидно, лишь врагам пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 40 коп.